

Anne Dark

ЖИЗНЬ
№2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Anne Dar

Жизнь №2

«Автор»

2023

Dar A.

Жизнь №2 / А. Dar — «Автор», 2023

Представьте, что вам дадут второй шанс: не пережить свою жизнь заново, а прожить новую, не обнуляя багаж вашей первой жизни. Воспользуетесь ли вы шансом и, если воспользуетесь, как именно проживёте свою вторую жизнь зная, что третьего шанса у вас не будет? Мирабелле Армитидж восемьдесят лет. Она прожила насыщенную жизнь, наполненную интересными людьми, яркими событиями, сложными драмами и необратимыми трагедиями, безусловным счастьем и взаимной любовью. Её жизнь, очевидно, близка к своему неизбежному финалу, и финал этот не такой светлый, каким мог бы быть, проживи она своё время немногим или совсем иначе. Однако время невозможно обратить вспять — так установлено. Но вдруг кто-то попробует и проба эта увенчается успехом?

© Dar A., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Акт 1	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	40
Глава 11	42
Глава 12	44
Глава 13	46
Глава 14	52
Глава 15	55
Глава 16	57
Глава 17	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Anne Dar

Жизнь №2

Посвящается N.

Act 1

Второй жизни у вас не будет. Только сей-час.

Глава 1

Меня зовут Мирабелла Рашель Армитидж. За продолжительную историю своей жизни я успела сыграть многие роли. Я была дочерью и была кузиной, была женой и сделалась матерью, стала бабушкой и даже прабабушкой. Мне восемьдесят лет, я прожила достойную жизнь и я собираюсь уйти. Мирабеллы Рашель Армитидж больше не будет. Вместо нее будет кто-то другой.

Конец моей первой жизни начался с ожога. Я готовила ташмиджаби – любимое блюдо Геральта. Двадцать пять лет назад мы решили отметить свою каменную свадьбу – тридцать три года брака – за пределами США и, соблазнившись винами Грузии, провели в той контрастной и колоритной стране незабываемый месяц. То было замечательное время, в которое мы могли позволить себе роскошь в виде длительного путешествия: наши дети выросли, внуки только начали появляться на свет, у нас были некоторые финансовые сбережения и старость ещё все-рѐз не взялась за нас – только начинала приглядываться к нам издалека.

В Грузии Геральту понравились не только вина, но и блюда. Больше всего его впечатлило традиционное грузинское блюдо ташмиджаби. С тех пор как Геральта не стало, я готовлю это блюдо из картофеля и сыра один раз в год, в день его ухода в лучший мир. В этом году должен был быть десятый ташмиджаби в моём исполнении, но ставя кастрюлю на газовую плиту – я так и не поддавалась уговорам детей и не променяла свою старую подругу на новую электрическую незнакомку – я зацепила правым рукавом своего халата открытый огонь, не заметила, как синтетика моментально схватилась, и в итоге серьёзно обожгла себе руку от запястья до середины предплечья. Боль была запоздалой – старая кожа не такая чувствительная, какой она бывает в молодости...

Пришлось звонить детям и просить отвезти меня в больницу. Джерри был не вовремя очень сильно занят – у него проходило важное рабочее совещание, к которому он готовился целую неделю, – но оказался свободен Закари. Хорошо, что он оказался свободен. Потому что звонить Тиффани не имело смысла – девочка живет в другом городе и, в отличие от всего лишь часто занятого Джерри, свободной вообще не бывает.

Руку мне обработали, перебинтовали антисептической повязкой ровно по ожогу и подвесили её на повязку-косынку, переброшенную через моё плечо. Такие повязки обычно носят люди с переломами, чтобы снять напряжение с пострадавшей конечности. За восемьдесят лет жизни у меня ни разу не случалось переломов, что стало для меня неожиданным открытием только сейчас – это ведь действительно удивительно, за восемьдесят лет жизни не схлопотать ни единого перелома! Хотя растяжения у меня, конечно, были. Трижды. Первый раз – оступилась на лестнице и подвернула лодыжку; второй раз – упала на руку во время игры во фрисби; третий раз...

– Всё будет в порядке, – ладонь, положенная на моё плечо, и знакомый голос сына выдернули меня из воспоминаний о прожитой жизни. Я заметила: чем старше я становлюсь, тем больше ярких воспоминаний всплывает на поверхность моего сознания – случается, что они заполняют собой все мои мысли.

Я повернула голову влево и посмотрела на сидящего рядом со мной сына. Закари – младший ребёнок в семье, четвёртый. У Джерри и Тиффани волосы цвета пшеницы, но у Закари

они потемнее. Зато глаза у него точь-в-точь как у брата и сестры – голубые, со знакомым разрезом. Этому мальчику уже сорок семь лет, его жене Присцилле сорок два, а их детям – Валери и Бену – семнадцать и пятнадцать, но я всё равно считаю его именно мальчиком. Всё ещё помню его нерешительность и застенчивость, которые, кажется, после женитьбы почти отпустили его.

– Я готовила ташмиджаби, – аккуратно вздохнула я, стараясь не думать о жаре, обжигающем мою пострадавшую руку. Рука сына вдруг отпрянула от моего плеча, голубые глаза забегали.

– Ташмиджаби?.. Какое сегодня число? – он схватился за свой мобильный телефон. – Ах... Сегодня же девятая годовщина по отцу... Как это могло вылететь у меня из головы? Прости, мама.

“Прости, мама”, – эти слова сын привычно сказал полупшепотом. Он всегда переходил на полупшепот, когда извинялся, вернее, когда ему становилось стыдно. Он был искренен, поэтому я решила не исправлять его оговорку – сегодня была уже десятая, а не девятая годовщина, как он считал.

– Не переживай, – я положила здоровую левую руку на колено сына, облаченное в джинсовую ткань, и едва уловимо сжала его, – ведь не ты один забыл – все позабыли.

Закари поджал губы и с тяжелым вздохом перевёл взгляд на стену напротив, и я сразу же задумалась над тем, правильные ли слова сказала. Может быть, мне стоит, а может быть, даже нужно перестать заботиться о нервах своих детей? Может быть, мне стоит, а может даже нужно перестать отвечать на все их запоздалые извинения словосочетанием “не переживайте”? И если не утверждать надобность их переживаний, тогда хотя бы не отговаривать от них? Переживания... В подсознании сразу же щелкнуло: я уже давно и сильно переживаю кое о ком. Я убрала руку с колена огорченного сына и тоже посмотрела на стену напротив:

– Нужно возвращаться домой. Вольт остался один, он будет переживать. Его нужно напоить и проследить, чтобы он поел.

– Да, конечно... – Закари не повернул голову, продолжил сверлить взглядом стену, а в его голосе не прозвучало желаемого мной участия, зато отчётливо прозвучало отстранение. Но мне хотелось участия, и потому я решила продолжать говорить:

– Он уже еле ходит, совсем сдал позиции...

– По-хорошему, нужно бы его усыпить, чтобы не мучался.

– Он не мучается. Я забочусь о нём, – я не заметила, как мои брови сдвинулись к переносице, а внутри напряглась пружина, отвечающая за мою способность к противостоянию.

– Как скажешь.

Он даже не попытался противостоять мне, просто привычно пожал плечами и перевел взгляд со стены в сторону. Закари, конечно, намного мягче Джерри. Джерри бы продолжил настаивать на усыплении Вольта и в своей настойчивости припомнил бы тому не только хромоту, но и слепоту, после чего непременно утвердил бы, что я мучаю пса своим нежеланием усыпить его. Я бы, конечно, усыпила Вольта, если бы он испытывал физические мучения, но ведь он не мучается – он просто стареет. Так сказал сам ветеринар: у пса ничего не болит, он всего лишь сдал в зрении и просто прихрамывает на заднюю ногу.

Из двери, вырезанной в стене напротив по правой диагонали от нас, вышел доктор, который занимался моей рукой. Высокий, статный брюнет лет сорока, пышущий силой и любовью к своему делу, с обручальным кольцом на безымянном пальце и рыжей ассистенткой, отличающейся безразличным взглядом.

– Можно с вами поговорить? – доктор обратился, как мне показалось, к нам с Закари, но стоило мне встать, как он уточнил: – Нет, только ваш сын. Вы подождите здесь. Не беспокойтесь, всё в порядке. Просто заполнение документов.

Я не поверила ему. Опустившись назад на твёрдый пластмассовый стул, я проводила взглядом Закари внутрь кабинета доктора и, как только дверь кабинета захлопнулась, нервно

поджала свои почти полностью утратившие цвет губы. Десять лет назад другой доктор, более молодой и менее опытный, подобным тоном вызывал меня в свой кабинет, желая поговорить о Геральте. Он тоже просил не беспокоиться перед тем, как выдал мне ужасное... Бессердечно ли это? Говорят, что это просто профессиональная черта... Черта, которую не хотелось бы переступить, как будто придвинулась к моим ногам и стукнулась о носки моих всегда начищенных черных туфель без каблука. Я начала делать то, чего доктор попросил меня не делать – переживать. Сразу же сняла с плеча повязку – люди, которые удерживают свои конечности при помощи вспомогательных средств, всегда выглядят и даже являются в какой-то степени беспомощными. В моём случае всё ещё хуже, ведь в дополнение к обожжённой руке я ещё и старуха. Но я, конечно же, не беспомощна. Ни в какой степени.

Стоило нам с Закари выйти из больницы и оказаться в тёплых лучах июньского солнца, как моё переживание растаяло. Бдительность – то, что с возрастом тает так же неумолимо, как физическая сила.

Глава 2

Я выросла в очень хорошей, любящей семье адвоката Райана Армитиджа и домохозяйки Опры Армитидж. Появилась я у них, когда матери было тридцать, а отцу шел тридцать пятый год. Из нас сразу же получилась замечательная семья. И всего-то у нас всегда было вдоволь: и любви, и уважения, и денег.

Мои родители были кареглазыми шатенами, но ни на одного из них я не была по-настоящему похожей. Моя кожа, на фоне их загорелой, всегда отливала белоснежностью, мои волосы были черны, словно смоль или вороново крыло, как любила говорить мама, мои глаза имели странный цвет, сочетая в себе смесь синего и зеленого оттенков. Хотя оба мои родителя и имели весьма симпатичные внешние черты, многие наши знакомые никак не могли понять, в кого именно я пошла своей красотой, что порой сильно расстраивало мою маму. Она была убеждена, что мои губы похожи на её, а мои от природы укладываемые лёгкими волнами волосы достались мне от отца. Она могла бы быть правой, но не была. Внешне я действительно не была на них похожа. Иное дело внутренне – мы мыслили и чувствовали в унисон. Такой гармонии, какая была у меня с родителями, кажется, вообще не существует между детьми и их родителями, а значит, её можно назвать необыкновенной или даже чудесной.

Так как я была единственным ребёнком в семье, мама все свои силы вкладывала в то, чтобы на благодатной почве достатка не вырастить из меня избалованного и эгоистичного ребёнка, какими росли многие единственные дети её многочисленных подруг. Она прививала мне сочувствие к ближним и любовь к окружающему миру, которые у меня, по моим внутренним ощущениям, и без того были врождёнными, а так как мама неустанно культивировала во мне мои положительные врождённые качества, в итоге с возрастом я столкнулась с проблемой психологического характера, которую осознала лишь с полным поседением собственной головы – чрезмерная эмпатия во многом определила мою жизнь.

Наш дом был просторным, двухэтажным, с двумя комнатами для гостей, которых у нас всегда было много, с выбеленным дощатым фасадом, со всегда несвоевременно подстриженным газоном и с лепными клумбами у крыльца, заполненными маргаритками, фиалками и ромашками. В таком просторном доме, наполненном солнечным светом и особенным уютом, кажется, нельзя было не завести детей или домашних питомцев, а лучше и тех, и других.

У нас всегда было много домашних питомцев, всех обязательно по паре, чтобы не допускать одиночества: канарейки в большой угловой клетке, объёмный круглый аквариум с золотыми рыбками, ещё один, только прямоугольный и более просторный, аквариум с черепашками, и пара морских свинок, которым был отведен целый чулан под лестницей. Родители начали обзаводиться зверинцем ещё до моего рождения. Таким образом они – или, быть может, только мама – пытались абстрагироваться от мучившей первое десятилетие их брака проблемы бесплодия, которая в итоге благополучно разрешилась моим появлением.

Я всегда хотела себе собаку. Это желание жило нереализованным на протяжении целых шестидесяти пяти лет моей жизни. Самым первым препятствием к осуществлению детской мечты стал почти панический страх мамы, который она испытывала даже перед маленькими собачонками. В детстве её укусила за щиколотку соседская австралийская овчарка, у которой она взяла щенка, даже едва заметный шрам на щиколотке остался, так что о желанной собаке я могла позабыть до совершеннолетия, но я не позабыла и после.

Через животных родители прививали мне не только любовь ко всем живым существам, но и аккуратность, и терпение, и много других важных для человеческой души качеств. Обо всех питомцах заботились я и мама. Когда мы теряли кого-то из них, что всегда происходило по причине старости, мама расстраивалась настолько, что могла хандрить долгие недели.

С самого детства я хорошо ладила с людьми и хотя предпочитала не находиться в самом центре внимания, всё же всегда оказывалась впритык к бурлящим событиям. Моё общество нравилось людям, моё мнение всегда имело вес, с малых лет мои ровесники бессознательно тянулись ко мне, словно чувствовали во мне не только уверенность, но и способность не осудить и не обидеть нарочно. В детстве, юности, а затем в молодости и в пожилом возрасте у меня было много хороших друзей и подруг. Десятки людей интересных, странных, мыслящих, чувственных, чудаковатых, глубоких, ярких – разнообразных... Никого из них уже нет в живых. Свою последнюю хорошую подругу – Минерву Мод Таккер – я потеряла два года назад. Она скончалась в возрасте семидесяти девяти лет. Самого же главного моего друга у меня нет уже целое десятилетие.

Со своим будущим мужем я познакомилась за неделю до своего семнадцатилетия. Геральт Армитидж был на целых десять лет старше меня и являлся сыном сестры моего отца. Моя тётка, Корнелия Армитидж, была на три года старше папы и была непростой, в хорошем смысле этого слова, женщиной. Она поздно вышла замуж – ей было двадцать шесть, а столь невнушительный по меркам текущего века возраст в прошлом веке считался весьма серьёзным для незамужней девушки. Сразу после замужества она переехала из Вермонта в Атланту, где уже спустя год родила своего первого ребёнка – мальчика назвали Геральтом. Отца Геральта я видела только на фотографиях: красивый, высокий, статный брюнет с сияющими глазами и ослепительной улыбкой. Внешне Геральт был его точной копией, но внутренне пошел в свою мать, которая на фотографии рядом с его отцом смотрелась немного проигрышно: невысокая, худенькая, но зато с выразительным взглядом, выдающим недюжинную внутреннюю силу. Взгляд отца Геральта был другим – озорным и смотрящим куда-то мимо. Корнелия неоднократно вслух признавалась в том, что влюбилась в отца Геральта исключительно из-за его внешней красоты, которая в итоге передалась и их сыну, а затем и нашему первенцу, и его дочери. Однако отец Геральта был человеком ветреным и откровенно не созданным для брака. Он ушел из семьи даже не к женщине – ко многим женщинам сразу. Скорее всего, он не изменял жене, но и быть привязанным к ней одной не смог – укатил в Калифорнию на поиски развлечений спустя неделю после пятого дня рождения Геральта. С тех пор его не видели, хотя пару раз он написал Корнелии нескладные письма о своей разгульной жизни, в которых уверял её в том, что в его лице она не потеряла ничего благополучного. Сначала Корнелия переживала, но потом пришла в себя и даже открыла свой небольшой бизнес по продаже тканей, однако ей вновь довелось встретить на своём пути непутёвого мужчину. Когда Геральту было двенадцать, Корнелия родила внебрачную дочь от человека, который бросил её, как только узнал о её беременности. Гораздо позже, когда оба её ребёнка повзрослели и отделились от неё, она всё же смогла обрести хотя и непродолжительное, однако полноценное счастье в лице своего третьего избранника, ставшего для неё последним – они повстречались, когда уже оба вступили в преклонный возраст и когда каждый из них уже успел прожить свою собственную жизнь не так, как того хотел бы.

Тётя Корнелия и её дети – Геральт, и Бетани, которая была всего на два года младше меня, – приехали в Вермонт неожиданно. Геральт собрался открывать свой личный бумажный бизнес и таким образом – не специально, просто так совпало – перевёз мать и сестру на родину первой. Они продали свой дом в Атланте, доставшийся им в наследство от родителей отца Геральта, и купили приличный дом на улице, примыкающей к нашей. Так я и познакомилась со своими единственными кузенами: взрослым красавцем Геральтом и неугомонным подростком Бетани, которую все мы звали просто Бекс.

Бекс была душой компании, самым её центром, что, как и свою внешность, по словам Корнелии, она унаследовала от своего отца. Насколько был красив Геральт, настолько неказистой и непривлекательной – но только внешне! – казалась людям Бекс. Она была очень худенькой, даже костлявой девочкой, с рыжеватым оттенком волос и веснушками, покрывающими

всё её остренькое личико. Бедняжка очень завидовала мне и Геральту – нашим густым чёрным волосам, нашей молочной коже, нашим большим глазам, в общем, всему тому, чему я не советовала бы завидовать ни одной девочке. Тем более у Бекс было очень много положительных качеств: она была настолько весёлой, громкой и быстрой на язык, что в её компании было совершенно невозможно не улыбаться.

Я быстро сдружилась с Бекс, а иначе и быть не могло: ко мне всегда тянулись люди, а Бекс была такой энергичной, что не подружиться с ней у меня, кажется, попросту не было шансов. Она рассказывала мне обо всём на свете: о новых соседях и об оставшейся в Атланте подруге, о ненавистных для неё уроках физики и любимом клубничном торте, о белках на соседском белом клёне и гоняющих их собаках, о новом книгопечатании и об устаревающей прессе, о нуждающейся в нашей поддержке экологии и о безграничных тайнах океана, о симпатичных мальчишках... У Бекс, как и у всех нас, была своя ахиллесова пята. Она была очень, очень влюбчивой. Настолько, что даже была способна влюбиться в двух мальчиков одновременно. Однако из-за очевидной внешней непривлекательности и из-за узколюбия подростков, способных оценить блестящую этикетку, но не горький шоколад, завернутый в неё для особого случая, она не имела популярности у парней и постоянно страдала от собственных пророчеств, а пророчила она себе неизменно один-единственный сценарий – одинокую жизнь в старых девах. Она думала, что мне её было не понять из-за того, что мальчишки на меня всегда откровенно заглядывались. Возможно, несмотря на всю проникновенность моего сочувствия к ней конкретно в этом вопросе, в какой-то степени она всё же была права: мне действительно ни разу за всё детство и всю мою юность не приходила в голову мысль, будто я останусь одна, без мужа, без детей, да ещё и без собаки. Я как будто даже не сомневалась в уготованном мне семейном счастье, а оно, как будто взамен на такую безусловную веру, взяло и сбылось. С переменным успехом, конечно, но всё же...

Геральт с первого взгляда не воспринял меня своей кузиной. Это он мне так позже сообщил, когда нам уже было поздно отступать назад. Мне было всего семнадцать, а ему только исполнилось двадцать семь – разница в возрасте внушительная. Я – ещё не вылетевший из родительского гнезда птенец, он – видный парень, начинающий бизнесмен, в полной мере обеспечивающий мать и сестру. Вполне естественно, что я не смогла устоять перед такой мужественностью – а он был именно мужественен, особенно на фоне моих ровесников. И дело было не в том, что у него был собственный автомобиль и хотя пока что и не обустроенный, но всё же кое-какой офис. Дело было в том, как он вёл себя и как мыслил, какие поступки совершал, каким взглядом смотрел на меня с высоты своего роста и возраста. Поначалу я одергивала себя, но вскоре поняла, что он не шутит и не собирается останавливаться, и тем более отступать. То, что происходило между нами, было очень необычно...

В какой-то момент отец пообещал Геральту отдать меня ему в жены через пять лет, если к тому времени Геральт всё же сможет привести свои дела в порядок и в качестве доказательства продемонстрирует нашей семье свой процветающий бизнес. К концу четвёртого года бизнес Геральта и вправду расцвёл, пусть и на непродолжительный срок, всё же нам этого короткого процветания хватило, чтобы мои родители благословили наш союз. Мне было двадцать два года, а Геральту тридцать два, когда мы наконец стали официальными мужем и женой – неофициально мы всё же не выдержали и впервые переспали за три года до свадьбы. Родители о наших тайных встречах в мотеле за городом, конечно же, ничего не знали. Так почти шестьдесят лет назад я переродилась из мисс Армитидж в миссис Армитидж, потому что Геральт носил фамилию Корнелии, таким образом предпочитая забыть об отце, который в своё время забыл о них.

Свадьба у нас была пышной, гостей было больше сотни – в те времена у нас было много молодых и пышущих здоровьем друзей, готовых веселиться от заката до рассвета. На второй день после свадьбы последовало свадебное путешествие на Капри, во время которого мы пере-

стали предохраняться. Однако зачать сразу не получилось, хотя мы завидно сильно старались. К концу второго бесплодного года я даже начала немного переживать на этот счёт, однако уже в конце третьего года нашего брака у нас родился Шон. Его рождение стало для меня чем-то невероятным – портал в космос, открытие новой вселенной, новая Жизнь...

Шон получился очень красивым мальчиком – похожим и на меня, и на Геральта одновременно. Он с ранних лет поражал нас своим острым умом и добрым сердцем – в этом мальчике как будто соединилось всё лучшее, что было во мне и в Геральте. Не прошло и трех лет после его появления, как я осознала, что хочу родить ещё одного ребёнка – с малых лет я мечтала стать матерью прелестной девочки, которую я могла бы наряжать в красивые платья, в пышные волосы которой я вплетала бы цветные банты. Однако в браке с Геральтом к моему желанию иметь собственную принцессу добавилось и новое, более отчётливое и конкретное желание: я хотела не просто дочь – я хотела её от определённого мужчины, хотела зачать и родить от своего мужа... Но стоило огню этого желания запульсировать внутри меня, как нас подкосила внезапная кончина моих родителей. Они ушли в лучший мир во второй год после рождения Шона, практически друг за другом и оба совершенно внезапно. Так моё сердце впервые по-настоящему разбилось. Из-за переживаемого в те месяцы горя я немного отстранилась от реальности и на некоторое время перестала думать о втором ребёнке – ушла в работу с красками и холстом, вела домашнее хозяйство, была рядом с Геральтом и двухлетним Шоном, а они были рядом со мной. Когда же ко мне вновь вернулись мысли о желанной дочери, наше материальное положение заметно ухудшилось. Прежде нам очень сильно помогали родители – отец был успешен и зачастую финансово поддерживал нас. К примеру, перед свадьбой родители подарили нам наш двухэтажный дом, а после свадьбы некоторая часть мебели была куплена за их счёт. Бумажный же бизнес Геральта начал медленно, но всё же таять. Я всё ещё могла оставаться домохозяйкой и продолжать попытки реализовать себя в пейзажах, на чём тогда даже немного зарабатывала, мы всё ещё без проблем могли содержать и ребёнка, и дом, и машину, но заводить второго ребёнка в то время было финансово рискованно, поэтому мы решили отложить чудо рождения дочери на год-другой.

Тем временем жизнь бурлила не только в нас, но и вокруг нас. Бекс совершенно неожиданно, словно гром в декабре, вышла замуж за человека, не входящего в круг наших общих знакомых – юриста Трумана Лероя, мужчину, старшего нее на целых пятнадцать лет. Стоило им только оформить брак, как Бекс сразу же начала осуществлять свою детскую мечту о большой и дружной семье, и, в отличие от нас с Геральтом, начала с лёгкостью беременеть и рожать детей одного за другим. Первый мальчик родился спустя год после нашего Шона, ещё через год была рождена девочка и ещё через год родился ещё один мальчик. Труман был обеспеченным мужчиной, так что мог в достатке содержать большую семью, да и Бетани подрабатывала швеей. И хотя на фоне Бекс Труман и выглядел стариком, было очевидно, что вместе они счастливы, а это было самым главным.

После свадьбы Бекс переехала жить на другой конец города, однако это совсем не помешало нам продолжать всячески поддерживать наши отношения и устраивать регулярные встречи. Часто сживая в моей гостиной и качая своих детей на руках, Бекс с безумной улыбкой счастливой матери рассказывала мне о том, что они с Труманом не собираются останавливаться на трёх детях. Они уже планировали заведение четвёртого ребёнка, после которого последовал бы пятый... Но они не успели.

Глава 3

Труману было сорок девять, а Бетани тридцать четыре, когда их машина сорвалась в каньон. Они ездили на запад, на крестины внушки университетского друга Трумана, и на неделю оставили пятилетнего Джерри, четырехлетнюю Тиффани и трехлетнего Закари с нами. Нам сообщили поздно вечером, когда все дети уже были уложены спать. Потеря Бекс стала для меня с Геральтом и для Корнелии даже более серьезным ударом, чем потеря обоих моих родителей. Находясь в состоянии аффекта, нам нужно было решать, что делать после похорон. У Трумана из родственников была только старшая сестра, жившая в Индиане, ей только недавно исполнилось шестьдесят, она была бездетна и предпочла таковой и оставаться. Корнелия не могла взять детей к себе по причине возраста – ей было семьдесят три, у неё начались проблемы со здоровьем. Оставалось всего два варианта. Геральт озвучил только один – он сказал, что мы можем отдать детей под социальную опеку. На самом деле, в тот момент глядя в глаза своего любимого мужа, я прекрасно понимала, что именно он желал услышать от меня. Несмотря на то, что наше финансовое положение было шатким, а с возложением на себя опеки сразу над тремя детьми оно неминуемо должно было расшататься до сложного, я уверенно сообщила мужу о том, что мы оставим всех трёх детей себе. Геральт, до сих пор держащийся словно скала, впервые расплакался – от чувства благодарности. В ночь принятия этого решения мы обнимались так, как никогда до тех пор. На следующее утро нам пришлось обнимать водопад слёз Корнелии – так я в первый и в последний раз увидела слёзы этой сильной женщины.

По-моему, я не могла поступить иначе. Эти дети были кровными племянниками Геральта и кузенами Шона, Бетани была моей лучшей подругой, названной сестрой. Эти дети – всё, что нам от неё осталось. Небогатое материальное наследство, доставшееся нам от Трумана, пришлось отдать в счёт кредита за дом, а остатки достаточно быстро иссякли...

Джерри, Тиффани и Закари были миловидными детьми, светловолосыми и синеокими, внешне пошедшими в Трумана, что в своё время очень радовало Бетани – она так и не примирилась со своей внешностью и потому была счастлива тем, что ни один из её детей не скопировал ни единой черты её портрета. Однако по нраву дети пошли именно в Бекс – громкие, весёлые, неугомонные, жаждущие внимания и движения. Труман был из очень тихих людей, однако казалось, что от его тихого нрава его дети не унаследовали ни грамма. Хотя чем старше становился Закари, тем больше в его характере проступал Труман: в подростковом возрасте он заметно притих, вдруг стал застенчив и неуверен в себе, с чем всегда буйные Геральт, Шон и Джерри пытались бороться своими методами, но что побороть до конца так и не смогли.

Дети быстро прошли акклиматизацию – они знали нас с пелёнок, так что вопрос заключался только в их осознании того, что они больше никогда не увидят своих родителей, и в их привыкании к новым спальням. Шону пришлось потесниться – в его комнате появилась двухэтажная кровать и ещё один шкаф, – а Тиффани я отдала своё рабочее пространство: комната, в которой я писала свои пейзажи, была небольшой, но с полноценным окном и местом не только для кровати, но и для шкафа, и для стола.

Я пожертвовала не только своим рабочим пространством. Я отдала в жертву практически всё. С четырьмя маленькими детьми, которых нужно обслуживать двадцать четыре часа в сутки, остаётся мало времени на себя. Я готовила, стирала, прибиралась, отскребала, играла, гладила, штопала, успокаивала, убаюкивала, собирала, выслушивала, одевала, купала, безоговорочно любила всех с одинаковой силой – круглосуточно.

Рисовать я стала ещё до знакомства с Геральтом и Бетани. Как в возрасте пятнадцати лет взяла в руки набор простых карандашей в попытке сотворить портрет, так и не выпускала их, а перед рождением Шона с головой ушла в акварельную живопись. Однако с непредвиденным расширением нашей семьи рисовать мне стало негде – в доме не осталось ни одного свободного уголка, всё пространство было занято детским присутствием, порой пугающе походящим на хаос. Но соглашаясь становиться матерью для детей Бекс и Трумана, я в полной мере осознавала, на что иду. Конечно, я не смогла расстаться с рисованием сразу, кажется, оно всю мою жизнь незримо просачивалось через мои пальцы, но всё же уже совсем скоро я обратилась из художницы-домохозяйки (до сих пор художница была именно на первом месте) в маму-домохозяйку, которая помнит все школьные мероприятия и лишь иногда вспоминает о пылящихся на чердаке красках и холстах, а вспоминая, позволяет себе выпить пару бокалов вина для смягчения удара. Не реализовать себя – что может быть хуже? Однако же я не сожалею. Дети выросли прекрасными, любимыми, в счастье и хотя не в том достатке, который нам с Геральтом хотелось бы им предоставить, но зато в здоровом психологическом климате, который, надеюсь, им хотя бы немного помог в их взрослой жизни...

Мы с Геральтом больше не родили. Соглашаясь на опеку над тремя не своими детьми, я фактически подтверждала свой отказ от рождения собственного ребёнка. Геральт это понимал. Он знал, как долго и как страстно я грезилась о втором ребёнке. В то время мы уже были готовы завести его. Геральту было сорок пять, мне тридцать шесть, Шону одиннадцать – это был идеальный и, пожалуй с учётом наших возрастов, последний шанс обзавестись вторым ребёнком. Мы только-только приступили к попыткам зачатия, когда дети Бекс остались сиротами. Содержание ещё одного ребёнка означало бы для нас банкротство и переход черты очевидной бедности, и всё равно я расплакалась, когда в конце месяца у меня началась менструация – втайне я надеялась, что три незащищенных половых акта, которые мы совершили до трагедии Бекс, всё же дадут плоды, и тогда бы мы что-нибудь придумали: я устроилась бы на официальную работу или мы обеднели бы окончательно, но у меня была бы собственная дочь, рождённая мной лично – это ли не счастье?! С появлением у нас Джерри, Тиффани и Закари мы вновь начали тщательно следить за предохранением. Но я всё равно была счастлива – дети Бекс стали для меня такими же родными, каким был для меня Шон.

Помимо ребёнка, в тот год мы планировали завести собаку. Я не заводила её раньше из-за панического страха матери, а позже из-за занятости младенцем, но Шон уже подрос и сам заговорил о собаке. Мы с Геральтом втайне сговорились подарить щенка на его двенадцатый день рождения, хотя оба прекрасно понимали, что этот подарок скорее будет сделан больше мне, чем Шону. Хорошо, что в то время мы не успели обзавестись псом – что бы мы тогда с ним делали? Сразу после посещения приюта у Тиффани обнаружилась серьёзная аллергия на собачью шерсть – у неё слезились глаза, чесалась кожа, она часто чихала. Мы перепроверили, чтобы быть уверенными наверняка – реакция организма Тиффани на собак была однозначной. Я была расстроена, но смысл обижаться на реальность? Пришлось и на этой мечте поставить категоричный крест с искренней вывеской на нём: «Ни о чём не жалею».

Кроме детей у нас была ещё одна очень важная забота – мать Геральта. Она жила на соседней улице и, несмотря на преклонный возраст, помогала нам с детьми, однако время брало своё. За четыре месяца до того, как мы потеряли её, в возрасте восьмидесяти пяти лет она не смогла отказаться от предложения, от которого отказывалась последние пару лет, и переехала жить в наш дом. Ей требовался уход – при относительно сильных ногах у неё открылся сильный тремор рук, поэтому я одевала её, кормила и помогала справлять нужду в унитаз. За несколько дней перед смертью она вдруг призналась мне в силе своей благодарности за то, что я взяла на себя воспитание детей её дочери, за то, что ради этого отказалась от идеи родить ещё одного собственного ребёнка, отказалась от карьеры художника и даже от собаки... Корнелия была замечательной свекровью, так что я и без её слов прекрасно знала обо всех её потаённых

чувствах и потому не понимала, зачем она вдруг решила высказать мне эти мысли, но потом она просто не проснулась, и я поняла, какой вес для неё имели эти слова. Шону было двадцать три – он уже с успехом окончил университет и жил отдельно, – Джерри семнадцать, Тиффани шестнадцать, а Закари пятнадцать, когда их любимой бабушки не стало. Дети были разбиты её уходом не меньше, чем мы с Геральтом. Тиффани ревела три ночи напролёт, Джерри и Закари окончательно забросили спорт. Мы с Геральтом продолжили оставаться для наших детей и спасательным кругом, и тихой гаванью, и одновременно их главной эмоциональной встряской. Чтобы вывести детей из депрессии, нам пришлось серьёзно попотеть и по-настоящему встряхнуть их – Геральт рискнул своим и без того шатким бизнесом, риск оказался оправданным, и мы впервые за всё время существования нашей семьи отправились за границу, в самую Грецию, где провели замечательные три недели, купаясь в Эгейском море и загорая на горячих чужеземных песках. Это замечательное, счастливое воспоминание. Пока дети были маленькими и даже подростками, таких воспоминаний создавалось много.

Дети... Как много заключено в этом сборном названии. А между тем за каждым из них стоит личность, своя уникальная история, отдельная вселенная, с каждым годом отделяющаяся от вселенной родителей всё больше и отчётливее, а оттого и драматичнее.

Джерри был самым шумным ребёнком не только в нашей семье, но и, пожалуй, во всей округе, чем очень напоминал Бекс. Он не мог усидеть на месте, постоянно стремился на улицу, в нашем городе, должно быть, не осталось ни единого дерева, с высоты которого этот мальчик не оглядел бы нашу равнинную панораму. У всех наших детей всегда было много друзей, но у Джерри их было, казалось, больше, чем у самого президента США – каждый прохожий человек в один момент мог стать его лучшим другом и веселиться с ним так, как будто они знакомы всю жизнь: играть в перегонки, обмениваться модельками солдатиков, обсуждать гоночные машины, гонять мяч и разбивать им окна соседских домов. Джерри единственный ребенок, который допрыгался до перелома костей, причем трижды – в возрасте девяти и одиннадцати лет сломал одну и ту же руку, в пятнадцать лет на американском футболе схлопотал перелом ребра. Его интересовало, казалось, всё на свете, но чем старше он становился, тем уже становился радиус его интереса, пока окончательно не сузился до всего лишь одной категории – девочки. Когда-то Бекс могла быть влюблённой сразу в двух парней, сейчас же Джерри стал влюбляться сразу в нескольких девочек одновременно. Что уж скрывать, он с ранних лет был любителем красивых девчонок и в ответ являлся их любимчиком. Неудивительно, что он рано женился из-за беременности последней подружки, которая между тем была на пять лет старше него. Джерри было всего двадцать два, а Хильде двадцать семь, когда у них родился Йен. Ещё через три года у них появилась Керри. Так шепотной Джерри превратился из ветреного парня в отца семейства, а вместе с тем стал неплохим маркетологом, специализирующимся на рекламе для строительных компаний.

Хильда Макгуайар уже была юристом, когда вышла замуж за Джерри. Она всегда зарабатывала немногим больше Джерри, кроме того, была не только постарше, но и посерьёзнее, и ответственнее, и собраннее нашего сына. Со мной и Геральтом невестка всегда держалась на расстоянии вытянутой руки – ей не нужны были объятия и чрезмерное внимание, она предпочитала всё делать самостоятельно, без вмешательства родственников и порой даже без советов собственного мужа. Она была неплохой, просто слишком строгой ко всем и к самой себе в частности, неизменно облаченная в один из своих серых костюмов и неизменно забывающая о днях рождения родителей своих внуков. Мы с Геральтом относились к ней с таким же уважением, с каким она относилась к нам, но дальше наши с ней отношения так и не зашли – по-настоящему близкими мы не стали. Она просто была благодарна нам за красивого сына, а мы с Геральтом, в свою очередь, были благодарны ей за то, что она взяла на себя заботу об этом шумном парне. Если начистоту, тогда для меня было удивительно, что их брак состоялся и что в нём появилось целых двое детей, и что он продержался так долго, и тем не менее я

не меньше удивилась и сильно расстроилась, когда два года назад они сообщили мне о своём разводе. На тот момент их первенцу Йену уже было двадцать пять, он только что женился на Шанталь и они уже планировали рождение Фэй; их дочке Керри недавно исполнилось двадцать два и она только недавно родила Дейзи от бросившего её беременной парня, – поэтому я сложно переваривала причину развода Джерри с Хильдой. Моему сыну сорок семь и он уходит от пятидесятидвухлетней жены к двадцативосьмилетней любовнице, находящейся на третьей неделе беременности от него. Хильда не устраивала истерик. Её гордость всегда была слишком велика для подобных сцен. Являясь юристом, она ускорила процесс развода: всё началось и закончилось моментально. И вот у меня теперь новая невестка Лукреция, и рождённая позднее правнуков внучка Лаура. Геральт не поверил бы в такое, но спустя два года брака Джерри и Лукреции я уже не удивлена этому союзу. Джерри всегда был падок на женскую красоту, а Лукреция молода, весела, выкрашена в блондинку и всегда с яркой помадой на губах – полная противоположность шатенки Хильды, неизменно носящей серьёзное выражение лица и почти не пользующейся косметикой. Как ни странно, но Лукреция по натуре больше подходит Джерри, жаль только, что разница в возрасте слишком велика и, боюсь, со временем Лукреция может переметнуться к другому мужчине, оставив Джерри с дочерью на руках. Надеюсь, что я ошибаюсь на этот счёт. В конце концов, Джерри хорошо выглядит, потому что скрупулезно следит за собой – ходит в тренажерный зал, бегает по утрам и играет в гольф. И всем этим он начал заниматься в отношениях с Лукрецией. Бедный мальчик наверняка сам понимает, что залог его отношений с молодой и весёлой женой зиждется исключительно на его физической красоте и крепком здоровье. И ещё, безусловно, на его финансовом благосостоянии. Но ведь ничто не вечно...

Тиффани росла всеобщей любимицей. Единственная дочка, она получала от меня, Геральта и братьев максимум внимания и любви. Красивая, белокурая, ясноглазая и непоседливая девочка, любительница розовых пачек, сладкоежка и кокетка неожиданно выросла в серьёзного ресторанного критика, неизменно облачённого в деловой костюм вроде тех, которые любит Хильда, только костюмы Тиффани редко бывают серыми – они исключительно яркие и заметно более дорогие. В отличие от Джерри и Закари, Тиффани без оглядки уехала из сорокатысячного Берлингтона в шестисоттысячный Бостон, где уже к тридцати годам отстроила себе приличную карьеру. Сейчас ей сорок восемь, она узнаваема в узких ресторанных кругах, о ней пишут в глянцевых журнальных разворотах... Она всегда занята. Отчасти поэтому у неё не получилось обзавестись собственной семьёй. У неё было много мужчин, но ни за одного из них она в итоге не вышла замуж, даже помолвлена ни разу не была. Моя девочка утверждает, что ей вовсе не интересен брак, домохозяйство и дети, и я ей верю. Ей действительно это не интересно. Ей интересно другое – статус и лоск, которые ей даёт её утончённая работа.

Закари – спокойный мальчик, предпочитающий находиться в тени своих братьев. Он никогда ничем не интересовался серьёзно и увлекался только тем, чем увлекались его братья. Шон любил спорт, поэтому спортом интересовался и Закари, Джерри любил подраться с соседскими мальчишками, поэтому порой дрался и Закари, и так со всем: вырезки из журналов, барабаны, девочки, коллекции, бейсбол, скейтборд – всё приходило к Закари из областей интересов его старших братьев. Школу он окончил со средним баллом, как и Джерри решил остаться в Берлингтоне, быстро нашел себе работу в местном туристическом агентстве и стал весьма неплохим агентом, но, в отличие от брата, мгновенно обзавестись семьёй у него не удалось – чем старше он становился, тем отчётливее росло его смущение перед представительницами противоположного пола. Впрочем, всё и для Закари в итоге разрешилось скоропалительным браком. В тридцать лет он женился на двадцатипятилетней учительнице химии средней школы Присцилле Хайсмит, с которой провстречался всего четыре месяца и которая забеременела от него до брака. Через два года после рождения Валери у них родился ещё один незапланированный ребёнок – Бен. В целом, брак Закари и Присциллы, вроде как, состоялся

– совершенно обычная, стандартная семья без каких-либо отличительных особенностей и уж точно без тех страстей, к которым склонен в своих браках Джерри. Закари – открытая книга с заранее известным концом, и в этом его прелесть.

О Шоне я не могу вспоминать без перехватывания духа. С самого детства он был необыкновенным мальчиком: красивый брюнет с сияющими теплотой глазами, добряк и душа компании, лучший питчер в истории школьного бейсбола, он обожал чертежи. Как и я в своё время, Шон мог часами склоняться над холстом, только в отличие от меня, распределяющей краски вольно, он орудовал исключительно чёткими линиями – простые карандаши, линейки, циркули и ластик были для него чем-то особенным, как кисточки и краски для меня. Ему не было и десяти, когда мы все уже знали – потому что он нам уверенно сообщил – о том, что он непременно станет замечательным архитектором. И он им стал. Успешно поступил в университет и уехал даже дальше Тиффани, в Коннектикут. Его дипломной работой стал наш загородный дом у озера – он спроектировал его, а мы его материализовали за счет своих сбережений. В этом загородном доме мы с Геральтом, достигнув средних лет, провели много чудесных летних вечеров, отдыхая от шумных птенцов, повывлетавших из нашего городского гнезда и разлетевшихся в разные стороны. Жить в доме, который для тебя спроектировал твой собственный ребёнок – особенный вид счастья, состоящий из гордости и тёплых улыбок.

У девушек Шон был популярнее даже Джерри, но в отличие от Джерри он, наподобие меня и Геральта, был из однолюбів. С Барбарой Шон познакомился вернувшись в Берлингтон после учёбы. Он повредил лодыжку во время игры в футбол, а она, студентка первого курса медицинского колледжа, отрабатывала на том матче в качестве помощника спортивного врача. Ей было восемнадцать, Шону двадцать восемь – десять лет разницы, прямо как у меня с Геральтом. Спустя год после знакомства они поженились, ещё через год у них родилась прелестная малышка, на удивление очень сильно похожая именно на меня. Девочку назвали Рокки. Рокки – наша с Геральтом единственная кровная внучка от единственного кровного сына. Я в неё сразу же влюбилась, как, к моему стыду, до тех пор не влюблялась ни в одного своего внука или внучку. Она была необыкновенной девочкой, отличающейся от всех остальных на каком-то особенном уровне: она не походила ни на Йена, ни на Керри, на гораздо позже появившихся Валери и Бена. Она была глубже, интереснее, молчаливее, вдумчивее и внешне она получилась такой похожей на меня, что я просто с ума сходила от радости нахождения рядом с ней. А мы очень много времени проводили вместе, потому что Шон был занят работой, а Барбара учёбой на последних курсах колледжа, а после также работой. Молодые родители были не прочь уединиться, и потому с лёгким сердцем передали нам чуть ли не круглосуточную заботу об их дочери. Первые шесть лет жизни Рокки я с трудом расставалась с ней и очень ждала наших встреч, поэтому была несказанно благодарна сыну и невестке за то, что вместо яслей и детского сада они разрешили мне присматривать за своей внучкой: мы рисовали, готовили еду, лепили из пластилина, ходили в гости к кузенам и кузинам, качались на качелях, посещали детскую площадку – всё делали вместе. Рокки хотя и была серьёзным ребёнком, она ещё была и бойкой, и страстной, что совсем не было похоже на меня. Она могла подраться с мальчишками, отбивая у них выпавшего из гнезда воробья – я же в её возрасте только расплакалась бы, жалея несчастную пташку.

Когда началась школа, я всё ещё была главным опорным пунктом Рокки: перед тем, как возвратиться домой из школы, она непременно заглядывала к нам с Геральтом – делилась с нами своими новостями, дарила нам запечатленные цветными мелками на нелинованных листах рассказы собственного сочинения, с удовольствием, обычно не присущим детям, слушала наши истории, запивала имбирное печенье какао, иногда даже оставалась ночевать у нас – её ночёвки в пустующей комнате моих сыновей были для меня настоящим праздником (комнату Тиффани Рокки сочла “слишком розовой” для себя, что заставило нас с Геральтом посмеяться).

Шон, в отличие от меня, когда-то мечтавшей родить дочь, всегда мечтал о сыне. Потому и назвал свою дочь не самым женственным именем. С учётом же того, как много времени он проводил наедине с Барбарой, я очень надеялась на то, что скоро они порадуют нас с Геральтом новостью о втором внуке. В конце концов, Рокки уже было десять лет, а Барбара как-то раз обмолвилась, что была бы не против завести ещё одного ребёнка. Вот чего мы ждали тогда – продолжение жизни. Но вместо продолжения случился обрыв.

Мы не знаем, что Шон делал в Пенсильвании – он уехал внезапно, никому ничего не сказав. Его нашли с проломленным черепом возле его автомобиля в съезде на лесную дорогу. Кто-то ударил его по голове сзади кирпичом, который нашли на месте преступления, однако ничего, кроме кирпича, больше так и не обнаружили. Никаких отпечатков пальцев, следов обуви, частиц кожи – ни единой улики. Совсем ничего. С чего вдруг Шон отправился так далеко и кто мог бы ему навредить – ни мы с Геральтом, ни Барбара не знали. Как не знали, как нам пережить горе такой величины и глубины. Нашему мальчику было всего лишь сорок лет, у него были большие планы на жизнь, он любил жену и обожал дочь... Он... Не должен был умереть раньше нас, своих родителей!

Спустя два месяца после смерти Шона Барбара забрала Рокки и уехала с ней в Коннектикут – они с Шоном купили и сдавали там квартиру, своей же жилплощади в Берлингтоне у них не было, а Барбара не хотела оставаться в этом городе, да и в Хартворде, в который она переехала, жили её кузены. Так я в один миг потеряла и сына, и внуку. Расследование с первых же дней зашло в тупик. Убийцу Шона так и не нашли. Из отчаяния я впала в глубочайшую депрессию, из которой смогла выкарабкаться только благодаря стараниям Геральта, спустя полгода и полностью поседевшая в свои шестьдесят пять. Так мы с Геральтом состарились. Вместе и практически одновременно.

Хотя Рокки рядом с нами уже не было, у нас всё ещё были другие внуки: Йен, Керри, Валери и Бен. Ради оплаты обучения внуков, которое не могли в то время потянуть их родители, мы с Геральтом решили пожертвовать своим домом, тем самым, который купили для нас мои родители и в котором мы вырастили четырех замечательных детей, и встретили пятерых внуков. Теперь наши потомки нуждались в хорошем образовании, но кроме дома у нас не было никаких материальных ценностей, чтобы помочь им в получении желанного, поэтому мы сделали то, что от нас ожидала семья: продав просторный дом, мы купили скромную двухкомнатную квартирку рядом с центром города, переехали жить в нее, а остатком средств покрыли образование старших внуков. Так начинались первые главы нашей с Геральтом новой книги под названием “Старость”. Мы остались с ним вдвоём, уставшие, но счастливые уже только тем, что мы вместе. Но и это счастье в итоге обратилось в прах. Геральт дожил до того возраста, до которого теперь добралась я – ему было восемьдесят, когда он оставил меня одну. Пока я заваривала ему чай, он уснул в своём кресле за чтением утренней газеты и не вернулся ко мне из своего сна. И так я осталась действительно совсем одна, хотя и с детьми, и с внуками...

Сыновей немного испортили их жёны, дочь испортило чрезмерное количество мужчин, которых она меняла, словно перчатки – теперь я смогла признать эту правду. Они выросли, занялись своими собственными жизнями и позабыли о родителях, но я поняла это только после того, как ушел Геральт. Пока он был рядом со мной, я как будто находилась в самом центре жизни и никогда не чувствовала себя одинокой, а здесь вдруг осталась сама напротив себя, так странно... Не с кем поговорить. Слишком многих больше нет и слишком многие недостижимо далеки, хотя и живут на одной планете со мной, в одной стране и даже в одном городе. В моей жизни больше нет их голосов, взглядов, улыбок и даже звонков, а если они вдруг появляются – всегда внезапно, словно гром среди ясного неба, – я весь день хожу ошарашенная, словно оглушенная бурей. Однако же это не конец. В моей тускнущей жизни всё ещё есть кое-кто особенный, кому я безоговорочно нужна каждый Божий день, кто нуждается во мне так же сильно, как я нуждаюсь в нём. За пять лет до своего ухода Геральт осуществил мечту всей моей жизни

– с улыбкой согласно кивнул, когда я сообщила ему о том, что у нас, наконец, будет собака. Щенка отдала мне переезжающая соседка: самый маленький из помёта и очень слабенький – не выживет без тщательного ухода. Сколько радости нам подарило это существо! Ежедневные утренние прогулки, веселые походы к ветеринару, знакомство с собачниками вроде нас, игры с мячиком, задорный лай... Теперь этот пёс – единственное существо на всей этой планете, которому я нужна не меньше, чем он мне – безмерно. Дети и внуки меня, конечно, любят, но при этом могут не вспоминать обо мне днями и даже неделями, а некоторые из них может быть даже и месяцами, но Вольт помнит обо мне всегда, как и я о нём. А значит, всё ещё может быть не так плохо. Значит, и обоженная рука заживёт.

Глава 4

Прошло два дня с момента получения мной нелепого ожога, кожа всё ещё полыхает и зудит, но меня это совсем не беспокоит, потому что всё моё беспокойство сейчас сосредоточилось на более важном, совершенно неожиданном событии. Вчера вечером мне позвонил Джерри. Как долго он не звонил мне? Не могу вспомнить... В любом случае приятно знать, что номер моего домашнего телефона всё ещё сохранён в контактах моего старшего сына. Он сообщил мне о том, что завтра – уже сегодня! – в город приезжает Тиффани. Вот так вот резко, без предупреждения! Как долго мы не виделись? Точно больше года... Сегодня у Джерри будет семейный ужин: впервые за последние несколько лет все мои дети и их дети, и дети их детей соберутся все вместе. Я буду почётным гостем. Джерри так и сказал – почётным! Я распеживалась так, что заснула только перед рассветом, проспала до полудня и в итоге проснулась совершенно разбитой. Я так давно не ужинала в кругу своей семьи, что, оказывается, совсем забыла каково это и вообще как это переживать.

В гардеробе у меня уже лет десять как не осталось большого выбора платьев, поэтому я переживаю, что платье, купленное больше пяти лет назад, может выглядеть на мне немодным, хотя оно и идеально чистое, и тщательно выглаженное, в красивую тёмно-синюю полосочку и с тоненькой брошкой на накрахмаленном воротничке. Из косметики в запасах нашлась только помада, которой я иногда подкрашиваю свои сухие губы, а еще чёрный карандаш, да высохшая тушь – я никогда не пользовалась чем-то бóльшим, только таким вот незамысловатым комплектом, который состарился так же незаметно для меня, как я сама. Однако помада всё ещё красила, карандаш всё ещё чертил линию, тушь только пришлось сразу же выбросить. Одаренная природной красотой, я никогда сильно не интересовалась косметикой, и вот тебе, в восемьдесят лет сокрушаюсь о том, что у меня не нашлось свежей помады, нового карандаша и невысохшей туши.

Сидя напротив трюмо и вглядываясь в зеркало, я аккуратно расчесываю волны своих густых белоснежных волос, длинной почти достигающих поясицы. Мои движения аккуратны не потому, что я боюсь дернуть свои завидно крепкие пряди, а потому что у меня болит обожженная правая рука. К концу расчесывания дискомфорт стал настолько невыносимым, что пришлось дочесываться левой рукой. Чрезмерно густые волосы уже пару лет как заставляют меня пропыхтеться из-за необходимого им тщательного ухода, который они требуют регулярно – каждое утро, – однако стричься я не хочу. Всю жизнь прожила с красивой, волнистой, густой шевелюрой на голове, подравнивая её ровно по ладони – одной ладони всегда не хватает до начала бедра, – так и хочу уйти из этого мира с такой прической. Последние двадцать лет я укладываю причёску привычным манером: заплетаю косу и делаю из неё густой плетёный бублик на затылке. Это Геральт назвал эту причёску бубликом, чем сильно повеселил меня. Этот бублик ему очень сильно нравился, и мне он тоже нравится.

Справившись с бубликом и украсив его черепаховым гребнем, доставшимся мне в наследство от матери Геральта, я замерла напротив зеркала, не найдя в себе силы улыбнуться своему отражению, как я обычно делаю это всякий раз отходя от трюмо. Если улыбнуться самой себе перед выходом из дома – сможешь улыбнуться и всему тому, что ожидает тебя за порогом. Но сегодня я слишком сильно переживаю, а улыбаться лицемерно, пусть даже самой себе, я никогда не умела. Надо же, приезжает Тиффани... Интересно, сильно ли моя девочка изменилась? Что переменилось в её внешности, в её одежде, в её манере держать себя? Бостон сильно изменил её, превратил почти в чужую незнакомку с ровной осанкой и смотрящим в потолок носиком, но её улыбающиеся глаза меня не обманут – это всё ещё моя – наша с Геральтом – Тиффани, принцесса бала фей и покорительница морских чудовищ, о которых мы читали ей сказки на ночь. Сегодня я встречаюсь с этой принцессой, обитающей на далёком от меня ост-

рове неизвестной мне реальности, и узнаю, как поживают её прирученные чудовища, загляну в её глаза... Какое счастье, что она приехала! Какое счастье, что у нас будет семейный ужин! Как жаль, что на этом чудесном ужине не смогут присутствовать Геральт и Шон, что на него не придут Барбара и Рокки, и даже Хильда.

Уже у выхода из квартиры я распереживалась намного сильнее. Вдруг всегда элегантной Тиффани не понравится моё платье? Вдруг все заметят, что я постарела ещё сильнее? Вдруг у меня разболится рука, о которой все они уже наверняка знают? Вдруг я что-нибудь уроню, и они заподозрят во мне старческую неспособность? В последнее время я стала часто ронять вещи, а поднимать их совсем тяжело, как будто на отвесную гору взойти... Вот и сейчас, нагнувшись, я с трудом делаю действие, которое всю мою жизнь казалось мне совсем уж элементарным – при помощи стальной лопатки я надеваю свои аккуратные, закрытые и всегда заботливо начищенные кремом туфли без каблука. Они так блестят, что я не сомневаюсь в том, что буду выглядеть в них хорошо – как человек, не нуждающийся в лишней заботе или хоть в какой-нибудь заботе, хотя это, конечно, не так... Лишней заботы, думается мне, не бывает. По крайней мере, для старости.

Хорошо, что я всё-таки намазала руку кремом, который по пути из больницы купил мне в аптеке Закари. Этот крем заметно снимает жжение, даже как будто действительно способствует исцелению.

Распрямившись, я даже не успела отложить обувную лопатку на комод, как услышала скуление Вольта. Ах, как же я могла забыть предупредить его о своём уходе?! Видимо, я такая же, как мои дети!

Разуваться для того, чтобы заново обуться, было бы для меня сродни самоубийству, так что я решила пройти вглубь гостиной в обуви. По возвращении домой обязательно помою пол: я вообще его регулярно, раз в неделю мою, так что в моей квартире безукоризненная чистота. Ещё бы! Стольких детей вырастить, да ещё в компании с не самым аккуратным мужчиной, каким был Геральт несмотря на все его положительные качества, а после принимать у себя безудержных внуков – в первой половине своей жизни мне волей-неволей приходилось быть чистюлей, таковой я и осталась навсегда.

Пройдя в гостиную, я, кряхтя, опустилась на колени перед диваном, на котором привычно лежал Вольт, и ласково коснулась его головы своими сухими пальцами.

– Я скоро вернусь, малыш, – пригнувшись чуть ниже, я прошептала это обещание прямо в грустную мордочку своего друга. В ответ Вольтик протяжно заскулил. Он спаниель породы койкерхондье, а эта порода очень умная, так что я даже не сомневаюсь в том, что он понимает каждое моё слово.

Не без труда я разогнулась и вновь встала на ноги. И снова появилась одышка на ровном месте. Я действительно уже очень старая... Интересно, сколько мне ещё осталось?.. Да разве это важно? Главное – суметь прожить свой остаток жизни хорошо: по-доброму и счастливо. Я, конечно же, продолжу стараться, а значит, этот вечер имеет все шансы пополнить копилку моих счастливых воспоминаний.

Что бы я делала без семьи? Как бы прожила свою жизнь и какие воспоминания о другой прожитой мной жизни у меня были бы?..

Как хорошо иметь семью.

Глава 5

К своему стыду, я очень сильно надеялась на то, что за мной заедет кто-нибудь из моих детей. За мной же приехала всего лишь новая жена Джерри. Если говорить совсем уж откровенно – Лукреция мне не нравится. Причину толком не объяснить: потому ли, что она разбила брак Джерри и Хильды, или потому, что мы просто совершенно полярные друг другу личности, а всё же она чуть ли не единственный человек на земле, который мне так отчётливо не нравится. Однако не мне же с ней жить и спать, и иметь от неё детей. Джерри доволен своей новой женой, так что и я её принимаю уж такой, какая она есть: волосы снова высветлены до самых корней, в густо напояженном рту жвачка, ногти отливают перламутром. Этой женщине как будто в прошлом месяце и не исполнилось тридцать лет, и дома у неё нет ни мужа, ни годовой дочери. Она больше походит на таксистку, которая сейчас подбросит меня до дома моего сына, чтобы после поехать в клуб в своей тонкой розовой кофточке с глубоким декольте...

Эта молодая женщина всегда неискренне улыбалась мне и всегда вела со мной совершенно пустую болтовню, но в этот раз как будто была особенно перевозбуждена, отчего громко болтала и смеялась всю дорогу. Она рассказывала мне о каких-то своих подругах, которым я не была представлена, и хихикала над их мужьями, что казалось мне вульгарным. Она как будто изо всех сил старалась понравиться мне, но для этого неизменно выбирала самый неудачный способ. Жаль, что Джерри рано или поздно придется осознать, во что он впутался. Надеюсь, Лаура успеет дорасти до того возраста, в котором ей будет хватать заботы только одного своего родителя, потому что, судя по тому, в каком ключе Лукреция размышляет о мужьях своих подруг, верной женой и добросовестной матерью она останется ненадолго. Вопрос только в том, на сколько. Ещё лет пять? Семь? Не больше. Бедный, бедный Джерри... Кто же ему поможет с малышкой? Ведь меня к тому времени может и не стать. Хотела бы я считать себя предвзятой, хотела бы признать своё нерасположение к новой невестке выдуманной старческой придирчивостью, но вот мы остановились на светофоре, и Лукреция притихла. Покосившись взглядом в её направлении, я заметила, как она улыбнулась водителю, остановившемуся слева от неё, но заметив это, я сделала вид, будто не вижу... Что ж, это грабли Джерри, а не мои. Значит, ему нужно получить ими по лбу, чтобы что-то да и понять.

Из всех домов моих детей, дом Джерри выделяется неоспоримым величием: двухэтажный, белоснежный, с двумя рифлеными колоннами при входе, с мраморными клумбами у крыльца, за которыми раз в месяц ухаживает нанятый садовник, это дом с большими окнами, украшенными искусной ковкой. В маркетинге Джерри как будто разбогател, хотя это, конечно, является неправдой. Этот дом он купил в браке с Хильдой, которой после развода был вынужден выплатить стоимость её части квадратных метров, так что сейчас он живёт всего лишь на среднестатистическую зарплату маркетолога и мелкие подработки, о которых он предпочитает не распространяться, чтобы выглядеть в более выгодном свете перед своей молодой женой, зарабатывающей копейки с продажи разливных духов. После прихода Лукреции в этот дом, он весь как будто пропах её духами, правда, оценить это мне довелось лишь единожды – семь месяцев назад меня пригласили на праздничный ужин в честь рождения Лауры. С тех пор я здесь больше не бывала, потому что больше меня не звали, а я никогда и никому не навязывалась.

Лукреция, весьма учтиво придерживаясь моей скорости, ограниченной старостью, взошла со мной по высоким ступеням на крыльцо и открыла передо мной дверь дома моего сына, из которого сразу же пахнуло смесью разнообразных духов и голосов. Переживание нахлынуло

на меня с новой силой и тщетно, что мысли об истинной натуре Лукреции до сих пор неплохо отвлекали меня. Со второго этажа по лестнице прямо нам навстречу спускались дети Закари – семнадцатилетняя Валери и пятнадцатилетний Бен.

– Бабушка, привет, – не дождавшись от меня первой приветствия, Валери навалилась на меня и с силой молодой девушки обняла.

Не выдержав боли в пострадавшей руке, которая оказалась зажатой между нами, я непроизвольно и предательски громко издала стон.

– Ой... – Валери сразу же отстранилась. – Извиняюсь.

– У бабушки рука обожжена, ну ты чего! – возмущённым и чрезмерно громким тоном воскликнул Бен, отчего его возглас услышали вошедшие в прихожую Джерри, Закари и Присцилла.

– Я же извинилась, чудик, – Валери с вызовом скрестила руки на груди. Экран телефона, который она не выпускала из своей правой руки, вдруг замигал. Ожог продолжил ныть пульсацией... Сильно же она придавила...

– Не называй брата чудиком, – одернула дочь Присцилла.

– Да что с вами такое? Я же не специально! – Валери, как присуще импульсивным подросткам, театрально закатила глаза и поспешила ретироваться из комнаты. Бен, забыв поприветствовать меня, поспешил вслед за сестрой:

– Ты слышала, что тебе сказали?! Переставай называть меня чудиком!

– Мама, ты как? – моей здоровой руки коснулся подошедший ко мне Джерри. Надо же, он как будто совсем не стареет. Загорелый, белозубый, светлоглазый, с едва уловимыми бицепсами и коротко подстриженный, чтобы скрывать свою первую седину. Неужели молодая жена и вправду способна омолодить сорокадевятилетнего мужчину? Даже если так, тогда на сколько и какова цена временной пилюли?

– Всё в порядке, дорогой, – я попыталась отозваться как можно более бодрым тоном.

– Тиффани уже приехала. Соскучилась? – Джерри широко заулыбался своей самой обволаживающей улыбкой. Не выдержав, я заулыбалась в ответ:

– Конечно же я соскучилась по своей дочери... По всем вам.

Тиффани, как всегда, выглядела великолепно: волосы подкрашены в блонд, причёска на сей раз пикси – Тиффани перешла на короткие стрижки незадолго до тридцатилетия, – косметики на лице не так много, как у Лукреции, одета в строгий, но одновременно эффектный и источающий дороговизну юбочный костюм лососевого цвета, в ушах блестят аккуратные серьги из белого золота – все её украшения неизменно из белого золота. Однажды, много лет тому назад, когда Геральт ещё был жив и Шон тоже, она даже подарила мне брошь из этого металла, но у той уже после первой носки сломалось крепление, так что я её толком даже не носила. Так и лежит эта брошь неношеной в моём сундучке воспоминаний, в котором я храню все свои немногочисленные и дорогие моему сердцу украшения: помолвочное и обручальное кольца – золотые, бусы из натуральных камней, купленные на Капри во время медового месяца, золотые серьги, которые Геральт подарил мне в честь рождения Шона, ещё одни золотые серьги от Шона, которые он купил мне со своей первой зарплаты, серебряный браслет, подаренный мне на восемнадцатилетие родителями, запонки, которые я подарила Геральту на его пятидесятилетие, и сломанная брошь из белого золота от Тиффани.

Тиффани была болтушкой в детстве, но чем старше она становилась, тем меньше слов она использовала, предпочитая ровно стоять со сложенными на груди руками и, со слегка отстранённым взглядом, слушать окружающих. Сегодня же она неожиданно разговорилась и даже улыбалась, но, что самое приятное, она уделяла мне такое внимание, какого я не получала

от неё, наверное, со дня потери Геральта. Она рассказала мне о том, что её снова напечатали в журнале, и даже показала мне эту статью на своём телефоне, поделилась со мной своими планами съездить в конце лета на Бора-Бора, показала фотографии ремонта своей квартиры, который, оказывается, начался в феврале этого года и закончился только две недели назад. Я так много о ней не знала – всего! – что мне вдруг стало печально. Почему мы не созваниваемся? Почему я не знаю, что теперь у неё розовые обои в гостиной? Почему не знаю, что её нового мужчину зовут Пол? Почему не знаю, что в середине весны она целых три дня провела в Париже? Почему она не знает, что я переживаю о Вольте? Что я скучаю по ней и по её братьям? Почему мы так далеки?

Взяв бокал с шампанским, от которого я отказалась, Тиффани отправилась из просторной и блестящей новизной кухни в гостиную вслед за Присциллой, которая хотела у неё “кое-что” спросить и, очевидно, задать свой вопрос не в моём присутствии. Ко мне подошла Шанталь – жена моего старшего внука Йена – и неожиданно протянула мне мою правнучку Фэй, даже не спросив меня о том, готова ли я принять её.

– Посмотри, Фэй, это твоя прабабушка, представляешь? – пышногрудая и пышноволосая шатенка, Шанталь была симпатичной молодой женщиной с рассеянным вниманием. – Не всем детям везёт увидеть даже своих бабушек, а у тебя целая прабабушка...

Мне стало нехорошо. Девочке в прошлом месяце исполнился год, она сильно подросла и потяжелела, удерживать же её одной рукой, стараясь не задеть обожженную, что в итоге не получилось, было проблематично, особенно с учётом того, как сильно малышка крутилась, пытаюсь схватить меня за волосы... В руке снова запульсировало, дыхание начало прерываться. Нет, так нельзя, я могу её уронить...

– Шанталь, дорогая, забери её, пожалуйста, – я поморщилась. Шанталь перестала улыбаться, поджала губы и, наконец, забрала Фэй из моих рук. Попытавшись мне улыбнуться, она вышла из кухни вслед за Тиффани, ссутулясь с распчихавшимся младенцем. Неужели подумала, будто я открестилась от правнучки? Я дернула плечом, внезапно занявшим не меньше предплечья. Они ведь все знают, что у меня обожжена рука, так почему же они так... Невнимательны.

Так, нужно немедленно перестать жалеть себя и тем более перестать расстраиваться на пустом месте. Подумаешь, старуха не может не поморщиться из-за объятий с внучкой и не может поддержать на руках правнучку. Зато я могу поддержать разговор и ещё лучше могу слушать. Нужно пойти в гостиную и принять участие в беседе: узнать, как дела в школе у Бена, куда планирует поступать Валери, когда уезжает Тиффани, как дела на работе у Закари, обновила ли Присцилла кухню, сколько раз в неделю Джерри ходит в тренажерный зал, сколько флаконов духов продала в этом месяце Лукреция, как Йен справляется с отцовством, в какой детский сад Керри планирует отдавать Дейзи? Всё обо всех узнать и рассказать всем что-нибудь о себе, если, конечно, у меня спросят обо мне...

Глава 6

Стоило мне только войти в гостиную, как всё внимание моей семьи сразу же сконцентрировалось на мне одной. Это стало для меня приятной неожиданностью. На моей скромной персоне, кажется, не сосредотачивались все и сразу со дня похорон Геральта. А здесь вдруг все мне улыбаются, Джерри даже приобнял и погладил по здоровому плечу, и препроводил к своему роскошному белоснежному дивану, и усадил не с краю, где я предпочла бы сесть, а в самом центре. В эти минуты мне было так приятно видеть всех своих детей, их жён и их детей улыбающимися, да ещё и улыбающимися мне лично, то есть глядя на меня, а не сквозь меня, что я не сразу заметила того, что что-то происходит... А когда заметила, сразу же поняла, что дети задумали что-то вроде сюрприза, потому что они перешептывались и толкали друг друга локтями прямо как в детстве, когда приносили мне торт в постель в день моего рождения. Вот только до дня моего рождения ещё далековато...

Не понимая, что именно происходит, я начала оглядывать стоящую передо мной толпу любимых людей и быстро вспоминать даты их рождений, боясь вдруг обнаружить, что забыла про кого-то из них, чего сделать попросту не могла. Да, всё верно, ближайший день рождения у Дейзи – через месяц ей исполнится три года, Керри подарит ей кукольный домик, который купила заранее. Выходит, дело не в чем-то дне рождения...

Я начала оглядывать женскую часть компании, стараясь понять, не забеременел ли кто-то снова, но они все вдруг начали отводить свои взгляды, как будто беременны были все сразу – от Тиффани до Валери – хотя это, конечно, было не так. Заметив, как бегают их взгляды, как будто обтекая мою фигуру, я вдруг заметила и то, что их улыбки становятся всё более и более натянутыми, а их шепотки всё более приглушенными.

– Что происходит? – не выдержав, решила прямо спросить я, желая избавиться от нервного напряжения, чтобы продолжать радоваться их светлыми лицами и лучезарными глазами, пышущими здоровьем, присущим молодости.

– Ну ладно вам, это уже некрасиво... – вновь закатила глаза Валери. – Скажите ей кто-нибудь, имейте яйца.

Стоило моей внучке упомянуть про яйца, как вперед вышел её дядя Джерри, который в присутствии своей молодой жены явно не мог позволить себе не иметь яйца. Потупившееся выражение его лица вызвало у меня непроизвольную, добрую улыбку.

– Дорогая наша мама, – начал он и сразу же замолчал, посмотрев на меня исподлобья, как смотрел всякий раз, когда собирался напроказничать или хотел извиниться за уже совершенное проказничество. Ну что он натворил на сей раз? Разлил мои духи? Сломал скейтборд Шона? Подрался с соседскими мальчишками? Разлюбил новую жену? Хочет на пятом десятке жизни завести ещё одного ребёнка?

– Так, Джерри, говори... – улыбнулась я, распрямив складки своей юбки и сцепив пальцы обеих ладоней, собираясь выслушать своего уже взрослого, но всё ещё по-детски неугомонного мальчика.

– Ты что-нибудь слышала о “Доме Счастья”?

Моё дрогнувшее сердце громко стукнулось о старые рёбра и замерло. Конечно, я слышала о “Доме Счастья”. Пять лет назад в нём умерла одна из моих лучших подруг – как он мог забыть об этом? Нужно узнать, как...

– Пять лет назад в нём умерла моя подруга Бренда, разве ты забыл об этом? – в ответ на мой вопрос Джерри моментально растерялся. Его глаза забегали по моей блузке, затем соскользнули на диван, побегали по стене позади меня и, наконец, переметнулись на его младшего брата. Так я заметила айсберг, о который мне суждено было разбиться... – Что происходит? – повторила свой вопрос я.

Яиц у Джерри всё-таки не оказалось, поэтому вместо него решила произнести всё слух моя нетерпеливая внучка Валери:

– Да задолбали вы! – взмахнула рукой девочка. – Ба, на семейном совете было единогласно решено перевезти тебя жить в дом престарелых. Так будет лучше для тебя. – Она повернулась лицом к своим родителям. – Ну вот, сказала я, видите, не так уж и сложно, и не нужно никого мучить ожиданием.

Моё сердце перестало стучать... Зрачки глаз ощутимо расширились... Комната сжалась, выдавливая из моих слабых лёгких остатки вошедшего в них пять секунд назад воздуха... Голос вдруг сам собой закрипел предательски старческим скрипом:

– Вы решили отдать меня в престарелый дом? – это был не мой голос и вообще как будто эти слова я не произнесла, а только услышала их произнесенными со стороны...

Единогласно.

Так сказала внучка...

Несовершеннолетние внуки тоже принимали участие в голосовании?.. Был семейный совет?.. Почему меня на него не позвали?.. Почему не поинтересовались моим мнением?.. Почему?..

Почему?..

Почему?..

...Мои глаза начали бегать по родным, уже совсем не улыбающимся лицам, желая выхватить на них хотя бы одну улыбку, хотя бы один намёк на дурную шутку, но это была дурная правда, я видела это в их отведенных в сторону глазах, слышала в их сжатых дыханиях, чувствовала в вибрации воздуха, застывшего между нами непроницаемым полотном, способным задушить если не нас всех, тогда определённо точно одну меня...

– Почему? – изо рта у меня вырвался не голос, а скрипучий шепот. Я не могла верить в происходящее... Чтобы я скончалась в “Доме Счастья”, как скончалась в нём бездетная бедняжка Бренда?.. Не может такого быть!

Заговорил Закари, привычным, мягко-неуверенным, однако одновременно и настаивающим тоном:

– Мам, доктор, который работал с твоим ожогом, сказал, что тебе небезопасно жить одной...

– Небезопасно жить одной? Что это значит? – мой взгляд резко взметнулся и вцепился в лицо младшего сына, пальцы рассоединились и ладони сразу же непроизвольно сжались в кулаки.

– Мирабелла, дорогая, тебе в этом году будет уже семьдесят один, – подбадривающе положив ладонь на плечо моего младшего сына, заговорила моя невестка Присцилла. – В таком возрасте людям бывает нужна помощь...

– Я способна жить одна, – мой голос зазвучал неожиданно твёрдо. – Я не нуждаюсь в обслуживании.

– Нет, одной опасно, ты уже обожглась, – вдруг отрицательно замотал головой Джерри.

– Все люди способны обжечься, не только старики, – во мне продолжал зарождаться взрыв.

– Мы за тебя переживаем, – снова приглушенный голос через зубы Закари.

– Но почему, почему ваше переживание вылилось в престарелый дом?! – взрыв произошел. Я вскочила на ноги с неожиданной скоростью молодой женщины, мои сжатые кулаки ударились о бедра, мой голос уверенно протестовал. – Если вы так беспокоитесь обо мне, почему никто из вас не предложил мне свой собственный дом?!

– Сейчас не такие времена, какие были во времена бабушки Корнелии... – Джерри.

– Надо же, вы всё-таки помните, что ваша любимая бабушка жила с нами – мы с вашим отцом не отдали её в дом престарелых!

– У вас просто не было средств...

– Не поэтому, сынок! Не поэтому ваша бабушка была окружена нашей заботой! А потому что мы её любили!

– Мы тоже любим тебя, – Джерри поморщился, как будто я нанесла ему сердечную обиду.

– У тебя огромный дом с тремя пустующими спальнями, в доме Закари тоже есть собственная комната, Тиффани и вовсе сдает квартиру в Бостоне...

– Мама, ты не слушаешь, – внезапно подала голос моя единственная дочь, что сразу же резануло моё сердце. Её руки вновь были привычно скрещены на груди, от той улыбки, с которой она встретила меня полчаса назад, не осталось и следа, во взгляде опять читалось известное отстранение. – Отдельная квартира – не твой вариант. Мы все искренне переживаем о тебе и заботимся о твоём комфорте. Братья не могут взять тебя к себе, будь у каждого из них в распоряжении хоть по замку, ведь, в конце концов, они оба работают, как и твои невестки. Кто же при таком раскладе присмотрит за тобой днём?

Внутри меня рухнул целый мир – представьте, как планета Земля разлетается на метеоры-кусочки, а вы смотрите на это из глухой капсулы, парящей в темноте бесконечного космоса.

– Мне не нужен присмотр! Я здорова и не мочусь под себя, чтобы доживать остаток своей жизни под присмотром безразличных сиделок!

Я не осознавала, что впервые за последнее десятилетие – впервые со дня потери Геральта – кричу от отчаяния. Как и не осознавала того, что в следующую секунду резко развернулась и быстрым шагом направилась к выходу из этого дома. Никогда, ни от чего я не сбегала, а здесь вдруг развернулась и прочь-прочь-прочь...

– Не веди себя как ребёнок... – в спину мне долетело эхо. Я не обернулась и продолжила идти к выходу. Но... Кто это сказал?! Кто из них?! Голос был женским, но я его не узнала... Кто-то из них... Присцилла, Лукреция, Шанталь, может быть Валери, Тиффани – кто?! Кто сказал, что я ребёнок?! Кто посмел меня так унижить?! Они все! ОНИ ВСЕ!!! Единогласно! И никто не заступился! Никто не заступится! Геральт бы не позволил, он бы не позволил им так со мной...

Задышавшись, я вырвалась из надушенного дешевыми духами и тяжелыми дыханиями людей дома на широкое крыльцо, схватилась за кованые перила, начала спускаться по ступеням вниз... До чего же они высокие! Главное – не споткнуться... Перелом для меня будет конечным итогом – меня запрут, чтобы потом зарыть и в конце концов забыть! И всё равно я спешила спускаться по этим крутым, остроугольным ступеням... Спешила, как будто меня могли догнать, чтобы надеть на меня смирительную рубашку и тогда уже отправить не в “Дом Счастья”, а в сумасшедший дом...

Я сказала им... Прокричала, что достаточно здорова, чтобы не доживать остаток своей жизни под присмотром безразличных сиделок... Но есть кое-что хуже смерти в окружении безразличных чужих людей – доживать свою жизнь под присмотром безразличных родных!

Я не заметила, как выбежала на тротуар... По тротуару шли люди: трое подростков, пожилой мужчина и пара с маленькой собачкой... Собачка. Дома ждёт Вольт – он ждёт меня! Его нужно покормить, ему нужны лекарства, ему нужна я! Срочно домой!

Я не сознавала, что своим бегом, больше походившим на тяжело покачивающийся шаг, привлекаю к себе внимание прохожих... Я зашла под козырек автобусной остановки, желая укрыться под ним от всего мира или хотя бы от оставшегося позади, но всё ещё пугающе близкого, белоснежного дома сына, в котором моя семья *смело* сообщила мне о том, что хочет “перевезти” меня... Где-то далеко прогремел небесный гром, а мне показалось, будто это моё сердце гремит и в ушах разливается звон, и небо фиолетовое не потому, что собирается дождь, а потому, что приближается мой конец...

Меня хотят утилизировать... Вырвать меня из моей уютной квартирки, чтобы переместить в палату, как цветок из дикой природы в клумбу, чтобы затем в горшок, в котором он не приживется, завянет, рассыплется в прах... У меня нет денег. Я не знаю, на каком автобусе отсюда можно доехать до моего дома. Дом Джерри, в котором меня поджидает стая решивших всё за меня родных, совсем рядом – в любой момент из него могут выбежать обладатели крепких молодых рук, схватить меня, во всеуслышание объявить немошной, доказать мою немощность всему миру, чтобы почти с чистой совестью спрятать меня от этого самого мира, чтобы позабыть меня получше, навсегда...

Я так растерянно осматривалась по сторонам, что не заметила, как прямо передо мной остановился синий автомобиль с открытым пассажирским окном...

– Бабушка.

Я вздрогнула от неожиданности и резко посмотрела внутрь автомобиля. За рулём сидел Йен.

– Я хочу домой... – мои кулаки вновь сжались, но губы продолжали предательски трястись. – Отвези меня домой...

Внук одарил меня сочувствующим взглядом. Жалость к старику – худший вариант после безразличия. По крайней мере, так ощущается мной... Я не хотела быть пустым местом, но и не хотела вызывать жалость. За что они так со мной?..

Внук красноречиво вздохнул:

– Садись в машину. Я отвезу тебя домой.

Я немного помешкала. Йен был неплохим мальчиком. Особенно когда был ребёнком. Он ведь не отвезёт меня сейчас туда, куда его отец намеревается засунуть меня?

– Ну же... – он оттолкнул пассажирскую дверцу изнутри.

– Если ты повезешь меня в дом престарелых – я отрекись от тебя, – мой голос был не моим, он как будто принадлежал какой-то уже наполовину мёртвой старушке, которой давно перевалило за сотню лет. Где же, где затерялся голос прекрасной Мирабеллы, где затерялись её красота и грация, все её миловидные улыбки?

– Худшее, что со мной могло бы произойти – это отречение от меня моей родной бабушки, у которой я ребёнком украл слишком много печений, – отозвался потомок рода Лерой-Армитидж.

Мои губы вновь задрожали. Он действительно отвезёт меня домой. Из которого я больше ни за что не выйду на улицу, чтобы меня не схватили и не замуровали – уж лучше я сама себя замурую!..

Я с трудом опустилась в автомобильное кресло, перед этим аккуратно переступив чрезмерно высокий бордюр тротуара. Захлопнуть дверь у меня не получилось – не хватило сил, – поэтому её за меня захлопнул протянувшийся через меня Йен. Я отвела взгляд в сторону, чтобы внук не увидел застывших в моих глазах слёз.

...Мы поехали.

Ещё совсем недавно у меня была замечательная собственная машина, но пять лет назад дети запретили мне водить, потому что я врезалась в пожарный гидрант, чтобы не сбить выскочившую под колёса кошку. Кошка и я остались целы и невредимы, а вот бампер с машины слетел. Там починить-то было всего ничего, но Джерри, Закари и Присцилла предпочли продать мой автомобиль и на вырученные деньги обустроить два бассейна – каждому на задний двор.

– Прости, – вдруг подал голос Йен. – Очень не по себе от всего этого... – Что ему ответить на это? “Да уж”? – Я бы забрал тебя к себе, честно, но у меня с Шанталь всего лишь две спальни и гостиная: семьдесят квадратов, которые мы едва делим с годовалым ребенком.

– У твоего отца большой дом... – мой голос обесцветился, тон стал каким-то прибитым.

– Разве ты ужилась бы с Лукрецией?

– Нет, – мой ответ едва прозвучал, а может и не прозвучал вовсе.

Правда заключается в том, что мне даже не предложили попробовать ужиться хоть с кем-то. Не предложили... Потому что никто не хочет... Никто не хочет со мной... Никто не хочет меня...

Обожженная рука заживет, а обожженная душа – нет. Это принятие факта, а вовсе не обида. Мне не на кого обижаться. Они не виноваты в том, что я им не нужна. Моя ненужность заключается только во мне самой. В них заключается всего лишь обыкновенное безразличие. Что хуже: первое или второе? Думаю, второе. Никто из них никогда не был для меня безразличен. Хотя мог бы быть. Но моё небезразличие – такой же мой выбор, как их выбор – их безразличие. С этим нам всем жить и с этим умирать.

Надеюсь, никому из них не придется переживать то, что сейчас переживаю я. Я бы не хотела ни для кого из них ничего подобного. Как и они, наверняка, тоже не хотели подобного для меня. И всё же это случилось – стоило мне перестать быть полезной и незаметной, как от меня отказались. И за меня действительно никто не заступится – на моей стороне осталась только я одна. Надо же, какие интересные открытия приносит человеку старость. Я давно уже одна, но лишь с этого момента по-настоящему одинешенька. Повезло Геральту уйти первым. Кто бы мог подумать, что уходить последней будет настолько сложно.

Глава 7

“Ба, на семейном совете было единогласно решено перевезти тебя жить в дом престарелых. Так будет лучше для тебя”. Для меня? Нет. Для них.

Я запаслась продуктами: с утра пораньше пять раз сходила в магазин через дорогу, купила себе вдоволь воды и круп, туалетной бумаги, спичек, собачьего корма. По причине старческой неспособности не могла себе позволить носить большие веса, поэтому пришлось ходить пять раз. К полудню я полностью забаррикадировалась: закрыла дверь не только на нижний замок, но и на верхний, и не вытащила из верхнего замка ребром поставленный ключ, не забыла защелкнуть дверную цепочку и, на всякий случай, придвинула к двери стул, и заблокировала им дверную ручку. Жаль, что я живу на первом этаже – ища для себя квартиру, мы с Геральтом решили максимально сэкономить, чтобы детям досталось побольше средств с продажи нашего дома, поэтому и купили квартиру на первом этаже. Как обезопасить окна? Пожалуй, только проверкой их запертости, а больше и никак...

Я начала бегать по квартире и дёргать все оконные ручки – всё крепко-накрепко заперто, всё проконтролировано, меня не вырвут из моей квартиры... Мои собственные дети... Нет, я им не позволю. Испущу последний вздох на пути в дом престарелых, но его порога не переступлю! Скольких друзей я потеряла в том месте, сколько слёз пролила из-за того, что моим друзьям довелось умирать в одиночестве при наличии здоровых семей и друзей – кому, как не моим детям, об этом знать?!

Позади меня раздался жалобный стон. Вздвогнув, я отстранилась от дверной ручки гостиного окна и посмотрела в сторону дивана, с которого, со вчерашнего вечера, не поднимался Вольт. Вчера мне пришлось поить его из рук, и он не плакал, только тяжело дышал, и вдруг слезливое скуление... Повернувшись, я увидела своего друга зарывшимся мордашкой под диванную подушку. Испуг был таким же мгновенным, как тот, который я испытала, осознав, что именно мои дети хотят сделать со мной... Я бросилась к своему лучшему другу, но он не шелохнулся, опустилась перед диваном на колени и сбросила с него подушку, но и это не расшевелило его...

– Вольтик! Вольтик, нет... Нет-нет-нет... – снова шепот незнакомой мне старухи вырвался из моего судорожно сжимающегося горла... Я взяла Вольтика за лапу, но он не ответил мне. Я попыталась растереть... Я уткнулась носом в его бок и разревелась, и продолжила тереть все его лапы, но он не реагировал на моё моление... На мою одну-единственную молитву – не оставлять меня... Не сейчас, не забаррикадированной... Не такой одинокой... Вчера я думала, что меня бросили уж все, но сегодня... Нет, он не может быть мёртв! Это просто приступ! Нужно срочно отвезти его к ветеринару! Одноклассник Джерри – лучший ветеринар во всём городе! Сейчас... Сейчас я позвоню Джерри! Пусть он отвезёт меня после ветеринара напрямую в дом престарелых, но только пусть Вольтик оживёт! Пусть я не поеду в дом престарелых без дружеской поддержки! Пусть Вольтик не оставит меня один на один с моей семьёй...

– Мам, не плачь, пожалуйста... – Джерри протягивает мне одноразовую салфетку. Мы сидим в его автомобиле на парковке напротив ветеринарной клиники, в которой остался Вольт. Джерри пообещал похоронить моего лучшего друга на кладбище домашних животных и полностью оплатить расходы. – Это просто собака, мам. К тому же, он прожил долго, по собачьим меркам ему было даже больше, чем тебе.

Вольту было *даже больше, чем мне*. Всё равно как: даже больше, чем динозаврам. То есть больше чем тем, кому уже можно и умереть.

– Прости, что в прошлый раз не смог сбежать с собрания, чтобы свозить тебя в больницу. Ты ведь знаешь, какой Леонард настойчивый, – я не знаю, кто такой Леонард, и молча утираю уже почти остановившиеся слёзы, мы продолжаем ехать... – Пришлось *напрягать* Закари.

– Ты уже извинился перед братом? За то, что *напряг* его поездкой со мной в больницу?

– Да, конечно, мы с братом дружны, вы ведь с отцом нас этому учили.

Он даже не понял, что именно я имела в виду, что мой вопрос был неискренним, а ведь это с моей стороны была даже не ирония, а вполне неприкрытый сарказм. Чему же мы с Геральтом научили своих детей, раз они даже не способны различать сарказм? Может, чему-то толковому и научили, но основное явно упустили – но как? Как?! Я думала, что мы были хорошими родителями, а оказалось... Да нет, это не наша с Геральтом вина, хватит уже винить себя во всех смертных грехах, идеализируя тех, кого мы приручили. Ведь мы с Геральтом – не всё, что было и что есть у этих людей, наших детей. У них есть ещё целая жизнь, которая лепит из них личностей, и вот... Вот что слепилось. Безразличная любовь. Разве бывает такая? Оказывается, бывает. Оказывается, я сама же и позволила ей слепиться, разрешив детям не беспокоиться обо мне, разрешив им задвинуть меня даже не на второе место, а совсем уж на запылившуюся антресоль... Сегодня умер мой самый верный друг, а для моего старшего ребёнка это “просто собака”, о которой я не должна плакать всего лишь потому, что она была старой, а значит, пригодной для смерти, в то время как остальным моим детям... Вообще плевать.

Мы припарковались у моего дома. Я сжала промокшую насквозь салфетку в своих сухих руках, но и слёзы не оживили мою иссушенную, старческую кожу, лишённую той красоты, которая мне всё ещё помнилась. Когда-то у меня были очень нежные руки. Геральт любил сжимать мои хрупкие ладони в своих больших и переплетать свои сильные пальцы с моими тонкими, особенно когда мы танцевали под чарующий звук грампластинок. Он любил гладить своим большим пальцем тыльную часть моей ладони, приглашая меня на танец, он целовал мою смело протянутую вперёд руку...

– У Закари и Присциллы кредит на образование детей, – решил начать издали Джерри, – у Тиффани работа двадцать часов в сутки, у меня, сама знаешь... Мы беспокоимся. Ты обожглась. А если снова произойдёт нечто подобное? Если ты обожжешься ещё сильнее или упадёшь, и тебя некому будет поднять? Или ещё чего хуже? – он пытался поймать мой взгляд, но я продолжала смотреть на зажатую в руках, пропитанную моими слезами салфетку. У-меня-умер-лучший-друг. А он про то, что пора уходить на покой и мне... Ну как так? Ну как же так?... – Если ты будешь сопротивляться, всем нам будет только тяжелее, ты ведь это понимаешь, правда? – его сильная рука легла на моё предплечье и слегка, будто по-дружески, пожалала его. Я по-детски непроизвольно хлопнула носом. – Мы тебя так любим... Ты ведь знаешь. Мы всего лишь хотим, чтобы у тебя был достойный присмотр, – с этими словами он вдруг протянул мне голубую брошюру, которую я сразу же узнала. Интересно, где именно он её взял? Они бесплатно распространяются у касс супермаркетов. Так они придумали меня сплавить? Стоя у кассы с молоком и печеньем? Увидели брошюру престарелого дома “Дом Счастья” и подумали обо мне? Кто из них всех? Джерри, Закари, Тиффани? Кто-то из невесток или внуков? А ведь “Дом Счастья” даже не лучший из двух имеющихся в нашем городе домов престарелых. Но они хотят отдать – отдать, как устаревшую игрушку! – меня именно туда. Притом что все они хотя и не особенно богаты, но всё же могли бы позаботиться о лучшем из двух самых очевидных вариантов, в котором для меня, помимо палаты и заднего двора, был бы доступен ещё хотя бы бассейн...

Я не собиралась принимать эту брошюру и не собиралась отвечать. Что сказать сыну, который уже всё решил? “Поздравляю, ты сделал неправильный выбор”?

– Мамуль, так надо, понимаешь? Мы будем тебя навещать...

– Чаще, чем сейчас?

– Что?

– Будете навещать меня чаще, чем сейчас? – я с вызовом посмотрела прямо в глаза сына. – Ведь сейчас вы меня совсем не навещаете. Когда ты в последний раз переступал порог моей квартиры? На похоронах отца?

– Не будь такой жестокой, ты ведь не такая...

– Нет, я не такая. Ты такой. Вы все такие.

– Мама, не усложняй, нам и так психологически очень сильно тяжело.

Вот оно: я одна должна позаботиться о том, чтобы им всем не было тяжело, чтобы они все не испытывали дискомфорт. То, что испытываю я, снова неважно... Почему?

Словно желая ответить на так и не сорвавшийся с моих уст вопрос, Джерри выдал совсем уж глупое:

– Я не могу тебя взять из-за Лауры, она ведь ещё совсем младенец. Ты ведь знаешь, как тяжело приходится с маленькими детьми...

– Прекрасно знаю, ведь именно я воспитала тебя, твоего брата и твою сестру – не отдала вас в детский дом, пусть бы он и назывался “Домом Счастья”!

Я вырвалась из машины родного сына, словно раненая птица из ржавой клетки... Я никого не просила забирать меня к себе! Более того, мне не нужно их внимание, если оно *такое*! Да, мне восемьдесят лет, но я дееспособна! Я целое десятилетие прожила в крошечном одиночестве, я привыкла, я со всем справилась, я потеряла всех и при этом выжила!.. Я выжила и всё ещё жива, и хочу дожить остаток своей жизни дыша полной грудью! Не хочу умереть на койке дома престарелых! Не хочу зачахнуть – я хочу уйти!..

Я передумала! Мне больше совсем не нужно ничьё внимание... Меня вполне устраивает тишина стен моего дома! Просто... Просто не отбирайте у меня мой дом! Оставьте меня! Забудьте обо мне! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста... Забудьте обо мне... Умоляю.

Глава 8

С утра я рассматривала корешки книг своей библиотеки. Стеллаж на всю стену в гостиной оформил для меня Геральт, но и стеллажа не хватило: пришлось заполнять книгами пуфы, из-за чего те стали неподъемными; выстраивать из них башни на цветочных треногах; украшать ими подоконники. Я с малых лет любила читать. Именно чтение стало моим оазисом в незапланированном многодетном материнстве: лишившись возможности посвящать себя краскам и холстам, я залечивала свою тоску Диккенсом, Оруэллом, Шекспиром, Толстым, сёстрами Бронте, Гомером, Митчелл, Байроном и современными авторами, безусловно, тоже. Список моих любимых книг бесконечен. Кому теперь достанется моя замечательная библиотека? Кому она вообще может понадобиться? Хотя бы одна из сотен этих замечательных книг. Сейчас большинство людей предпочитает читать электронные книги или не читать вовсе... Плачевно.

Именно библиотека натолкнула меня на мысль о необходимости составить завещание. Но на кого? Кому оставить всё своё самое ценное и одновременно то, что наверняка сочтут самым бесполезным наследством из всех возможных? Вопрос терзал, поэтому я решила ненадолго отложить его в ящик.

Погладив посеребренный корешок любимой книги современной писательницы, я скользнула пальцем по краю книжной полки и удовлетворённо не нашла на своей сухой коже остатков пыли. Я – ухоженная бабушка, за которой совсем не нужно убираться, чистить и драить, потому что всё это делаю я сама, и причём делаю с большим удовольствием. У меня порядок во всём. Порядок – привычка многодетной матери, впоследствии ставшей многодетной бабушкой. Поддержание чистоты в своём пространстве – это образ жизни. Вот таким вот образом я и живу: старая кухня сияет блеском, полы во всех комнатах выметены и вымыты, в ванной комнате пахнет розовым мылом... Я не обрастаю пылью, крошками, плесенью, паутиной и ненужным бараклом. Кто бы посмотрел на мою уютную квартирку, тот бы понял, что здесь живёт человек, не нуждающийся в помощи, совсем со всем справляющийся самостоятельно... Ведь я не только чистоплотна, я ещё и здорова, просто немного – много! – стара. Так что мне не нужна помощь и забота, и тем более мне не нужен присмотр. Как когда-то ребёнком говорил Закари: “Честно-пречестно!”. Но кто мне поверит? И кому вообще может быть нужна моя правда?

Итак, я не должна становиться барахольщицей, чтобы никакие социальные службы, до которых, наверное – какой ужас! – может дойти дело, благодаря стараниям моих собственных детей запихнуть меня в богадельню, не смогли бы придаться к состоянию пространства, в котором я до сих пор так спокойно обитала. Достав из прихожего шкафа пустую коробку из-под блендера – фруктовые и овощные смеси в пожилом возрасте так же хороши, как в возрасте совсем раннем, – я установила её на стол и начала укладывать в неё драгоценные для меня вещи Вольтика: три резиновых мячика, его обожаемый плюшевый лисёнок, его последний ошейник, пять нескрытых упаковок его любимых сладостей, две уже вычищенные и вымытые расчески, три миски... Ещё нужно было собрать переноску и лежанку, и много других вещей, которые я ещё накануне решила пожертвовать собачьему приюту, но меня отвлек звонок в дверь, от которого я непроизвольно вздрогнула всем своим старым телом. Когда в последний раз звонили в звонок этой двери? Не вспомню... Точно не в этом году.

Тихим шагом приблизившись к двери, я с осторожностью шпиона заглянула в глазок – надо же, я всерьёз боялась гостей! Как будто меня и вправду могут насильно вырвать из моей квартиры... А ведь могут.

За дверью стоял Джерри. Только он и никого больше. Что ж, если что – отобьюсь от него деревянной ложкой. Той самой, которой Геральт однажды отлупил его в возрасте семи лет за разукрашенные ворота нашего гаража руками нашего же собственного хулигана.

Мы стояли в гостиной. Я вцепилась в спинку стула пальцами правой руки, всё ещё подымающей от ожога, а сын с растерянным взглядом остановился по другую сторону стола. Впрочем, его взгляд скоро зацепился за коробку, в которую я только что складировала вещи своего лучшего друга.

– Уже собираешь свои вещи? Это хорошо.

Мои пальцы едва не треснули, с такой силой они впились в мягкую спинку стула, на котором в прежние времена, более светлые и лёгкие, любил читать прессу Геральт. Он думает, что я собираю свои вещи, готовясь к переезду в престарелый дом? Как же это... Больно. Но я не из тех, кто сдаётся, а сейчас, чувствую, стану ещё и той, кто не позволит себя победить.

– Не дождёшься, – мой голос зазвучал металлом. – Это вещи Вольта. Я пожертвую их приюту.

– Мам...

– Я вижу вас насквозь. Всех вас. В конце концов, вы те, кого я взрастила. У Закари кредит, у тебя молодая жена, которая являет собой отдельную статью расходов. Вам нужна моя квартира. Может быть вы ещё не обсуждали этого вслух, но каждый из вас как минимум в уме уже наверняка посчитал, сколько с продажи моего пространства вам можно будет получить и сколько кому из вас достанется, и как вы распорядитесь вырученными средствами. Я уже проживала такой виток в своей жизни, так было с нашим домом...

– Раз уж ты первой заговорила об этом, тогда, откровенно говоря, всем было бы проще, если бы ты переписала квартиру на кого-то из нас. Каждому из нас ты можешь доверять, ты ведь знаешь. Мы не будем её продавать, просто так менее проблематично, чем позже со вступлением в наследство...

– Вступление в наследство происходит только после смерти человека, оставляющего наследство. А я, как ты можешь видеть, всё ещё жива и здорова.

Выражение лица моего сына стремительно менялось от уверенного к возмущённо-обиженному:

– Вот зачем ты так? Ты ведь прекрасно понимаешь, что мы делаем всё это не со зла, что мы просто пытаемся избежать проблем, ведь время подходит...

– Какое такое время?

“О, Геральт, как же тебе повезло не видеть того, что со мной делают наши с тобой дети!”

– Не заставляй меня говорить это вслух, мам.

– Почему не хочешь сказать? Говори то, что думаешь, или ты стыдишься своих мыслей? Или в мыслях у тебя лишь недостойное и постыдное? Так вот, сын мой, знай, что постыднее намекать на постыдное и просить слушающего догадаться о твоём постыдстве, чем говорить в лоб свой собственный стыд...

– Ладно! Я понял твою мысль! Скажу как есть. Тебе восемьдесят лет и ты можешь умереть в любой момент. Довольна? – он всерьёз спрашивает, довольна ли я тем, что могу умереть в любой момент?! – Мы просто пытаемся продлить тебе жизнь...

– Что-что вы пытаетесь? – я ведь не ослышалась?..

– Если у тебя случится приступ или ещё что-то неладное произойдёт с тобой здесь, где тебя никто не видит и где никто не придет к тебе на помощь, мы потеряем тебя! Если же тебе понадобится срочная медицинская помощь в присутствии специалистов, и эти специалисты будут рядом – это сможет продлить тебе жизнь.

– Предпочитаю сразу помереть...

– Ну вот что ты такое говоришь?

– Я говорю, что предпочитаю умереть сразу, нежели быть откачанной от инсульта, чтобы после лежать овощем в койке. Или ты предпочел бы для себя самого противоположный вариант? И потом, каждый человек, не только я, может умереть в любой момент. Шону было всего лишь сорок, когда его не стало, если ты, конечно, это помнишь...

– Не будь такой жестокой. Конечно же я помню о своём брате...

– Значит, о мёртвых ты помнишь, а о живых предпочитаешь забыть.

– Мы все помним о тебе.

– Вспоминаете, когда вам что-то нужно от меня. Например, наш с Геральтом дом или моя машина, а теперь ещё и квартира...

– Мам, пойми, всё уже решено. Ты поедешь в “Дом Счастья”. Мы уже выбрали для тебя лучшие апартаменты...

– Это вовсе не апартаменты! Сколько раз тебе говорить, Джерри Лерой: называй вещи своими именами и не вилай! Речь вовсе не об апартаментах, а о палате! Причем не отдельной, потому что отдельных палат в “Доме Счастья” не существует! Вы хотите подселить меня в комнату какой-нибудь умирающей от старости несчастной и надеетесь на то, что, наблюдая за страданиями незнакомки, ходящей под себя и неспособной есть не через трубку, я буду чувствовать себя превосходно, и вскоре сама не начну чахнуть по примеру своего окружения?! О нет, вы вообще ни на что относительно моей жизни не надеетесь! Вы попросту хороните меня заранее!

Лицо Джерри порозовело, как розовело всякий раз, когда он впадал в сильное негодование. Он собирался что-то ответить мне, но не успел – в пространстве квартиры второй раз за это тревожное утро раздался звонок.

– Должно быть, Закари приехал... – Джерри сразу же отправился к двери, а я, задыхаясь, отодвинула стул от стола и опустилась на него. В висках запульсировало, в кончиках пальцев похолодело, губы затряслись... Он ждёт приезда Закари? Неужели все дети соберутся под крышей моей скромной обители, чтобы выковырять меня из неё, как борющуюся за свою единственную жизнь устрицу из её недостаточно прочного панциря? Не может этого быть... Они не собирались все вместе лет двадцать, не меньше. Даже на похоронах Геральта не смогли присутствовать все...

Меньше чем спустя минуту в комнату вошел мужской силуэт. Смотря в одну точку на столе, я сначала решила, будто это и вправду Закари, но стоило мне перевести свой потухший взгляд на вошедшего, как я увидела незнакомца. О нет... Неужели, это санитар? И что же они, насильно вытащат меня из-за стола, в который я уже вцепилась своими сухими пальцами мёртвой хваткой? Да я сейчас всех их деревянной ложкой отхожу!

– Мирабелла Армитидж? – сняв джентльменскую шляпу и приложив её к груди, вдруг поинтересовался незнакомец, при этом глядя прямо на меня. Он совсем не походил на санитар: в тонком светло-коричневом плаще, со шляпой, загорелый, тянет лет на шестьдесят, а это не самый лучший возраст для санитаров, должных возиться с буйными пациентами. И тем не менее я не поверю в то, что он желает мне добра! Так же, как не поверю в сладкую ложь о том, будто того же добра желают мне мои дети.

– Слушаю вас, – мой голос прозвучал не грубо, но твёрдо и уверенно.

– Меня зовут Джим Пибоди. Я юрист-нотариус и, по совместительству, старый должник нашего общего знакомого Арми Боффорта. Вы ведь знаете такого?

– Арми Боффорт? – между мной и незнакомцем вдруг материализовался Джерри. – Речь идёт о том самом Арми Боффорте, о котором я подумал? – сын одарил меня откровенно удивлённым взглядом.

– Рискну предположить, что речь идёт именно о том самом Арми Боффорте, о котором думают все люди мира, когда слышат это имя, – в ответ на вопрос моего сына ухмыльнулся мистер Пибоди, чем ненадолго перетянул внимание Джерри на себя.

– Мама, этот мистер утверждает, будто ты знаешь самого Арми Боффорта, – мой сын вновь впился в меня непонимающим взглядом. – Но как же ты можешь быть знакома с самим Боффортом?

Вот так... Просто. Я когда-то, давным-давно, в совсем уж прошлой жизни, не обременённой ни детьми, ни даже браком, знала одного хорошего молодого человека по имени Арми Боффорт. Но это долгая история, а Джерри всегда был слишком нетерпелив, чтобы слушать длинные сказки – его всегда интересовал только конец: “И жили они долго и счастливо” или “Вот что бывает, когда ребёнок вредничает”.

По-видимому, поняв, что Джерри является моим сыном, юрист продолжил свободно говорить в его присутствии, даже не поинтересовавшись у меня о том, не хочу ли я сделать наш разговор конфиденциальным, что я, если бы знала, о чём дальше пойдёт речь, безусловно, предпочла бы.

– Я здесь потому, – продолжил разгонять тучи над моей головой мистер Пибоди, – что ровно два месяца назад великий Арми Боффорт в возрасте девяносто одного года скончался на своей вилле в Делавэре, незадолго до своей смерти успев закончить работу над вакциной “Боффорта”.

– Речь идёт о той самой вакцине продления жизни, разработка которой началась в конце прошлого века в Дубае и до сих пор считалась незавершённой?! – Джерри разнервничался так сильно, как нервничал только во время рождения Йена и Керри, а затем Лауры.

– Именно об этой вакцине речь и идёт, – подтвердил догадку моего сына чудной незнакомец. – Мистер Боффорт успел сделать всего лишь семь кубиков вакцины, равных семидесяти годам человеческого омоложения. Аналогов этого прорыва в современной медицине и науке нет во всём мире. На сегодняшний день стартовая цена одного кубика вакцины Боффорта оценивается минимум в десять миллиардов долларов, но, естественно, настоящая её цена окажется в разы выше. – От услышанного Джерри перестал дышать. Тем временем мистер юрист продолжал: – Незадолго до смерти Арми узнал, что вы, миссис Армитидж, всё ещё здравствуете.

– И что же? – Джерри начал бледнеть.

Пибоди не сводил с меня глаз:

– За неимением прямых потомков и наследников, Арми Боффорт завещал Вам, Мирабелла Армитидж, все семь кубиков вакцины Боффорта.

Прежде чем я успела воспринять произнесенные этим странным человеком все его слова, Джерри, взметнув руки над своей головой, взорвался оглушительным фейерверком:

– МЫ БОГАТЫ, МАМА!!! МЫ СКАЗОЧНО БОГАТЫ!!!

Глава 9

Арми Боффорт давным-давно, в прошлой жизни, был лучшим другом Геральта. Они вместе переехали в Вермонт и так получилось, что с Арми я познакомилась первее, чем с Геральтом – случайно столкнулась с ним в супермаркете, в котором покупала рассаду цветов для новых клумб мамы. Он проводил меня до дома, взяв всю купленную мной рассаду в свои руки... Так и влюбился. Но уже на следующий день я познакомилась с Геральтом, пришедшим в наш дом, чтобы поприветствовать своего дядю – моего отца. В итоге Арми и Геральт разошлись в разные стороны, якобы по причине расстояния, но все мы прекрасно понимали, что Арми уехал в другой штат не только из-за своих стремлений к открытиям в научной медицине, но и по причине того, что я отдала своё предпочтение Геральту. Именно я стала причиной разрыва отношений между двумя лучшими друзьями: этого было не отменить, и мне до сих пор искренне совестно за то, что всё сложилось именно таким образом. Геральт отправил Арми приглашение на нашу свадьбу, но тот, конечно же, не отозвался, от чего лично я испытала неосознанное тогда облегчение: я не хотела лицедреть душевных страданий Арми, да и, откровенно говоря, внешне Арми был не менее красив, чем Геральт, и хотя я всегда любила лишь одного, всё же немного переживала на тот счёт, что Арми сможет проявить внезапное упорство и заставить меня сомневаться. Однако Арми предпочёл не проявлять того упорства, какое по отношению ко мне демонстрировал категорично настроенный Геральт. Так мы и определились: я осталась с Геральтом, а Арми ушёл.

Спустя два десятилетия к Арми пришла первая слава, о нём начали публиковать статьи в газетах и говорить не только в США, но и за пределами нашей страны. Так я узнала о том, что через десять лет после отъезда из Вермонта, в возрасте тридцати девяти лет Арми женился на весьма симпатичной женщине по имени Гвеневра, бывшей всего на год, а не как я на целых одиннадцать лет, младше него. Судя по всему, этот брак получился весьма счастливым и крепким, потому как Арми с Гвен прожили вместе пятьдесят один год и на публике всегда были неразлучны. В одном из последних интервью, которое я случайно прочла около пяти лет назад, Гвен рассказала, что в её браке с Арми не было детей по причине возраста – они сошлись, когда им обоим уже было под сорок, и достаточно быстро поняли, что детей у них не будет. Зато у них была общая идея-фикс: открыть “вакцину перемотки времени” или по-другому “вакцину воскрешения молодости”. В то время как Арми делал невероятные прорывы и открытия в медицине, Гвен ассистировала ему и всегда находилась с ним рядом. Два года назад Гвеневра Боффорт в возрасте восьмидесяти девяти лет скончалась на Бали, о чем сразу же запестрели все светские обозреватели. Получается, Арми пережил свою любовь на целых два года. И теперь, когда я вновь осталась наедине с собой, укрытая от всего мира хрупкими стенами своей квартиры, я читаю отданную мне мистером Пибоди записку, три месяца назад написанную для меня рукой человека, о котором на протяжении всей своей жизни я невольно вспоминала, впрочем, никогда не жалея о сделанном мной выборе:

“Милая Мирабель.

Моё сердце навсегда отдано моей бесценной Гвеневре, однако именно ты открыла для меня существование любви с первого взгляда. Благодаря первому взгляду, брошенному мной на тебя, я уверовал в невозможное, и, пожалуйста, благодаря твоему отказу смотреть на меня в ответ, достиг всего, что было в моей жизни после. Надеюсь, ты меня поймёшь: достижение невозможного стало целью моей жизни, потому как самой первой недостижимости – тебя – я достигнуть не смог. Вторая жизнь – то, что я хотел подарить нам с Гвен, но любовь всей моей первой и остающейся единственной жизни ушла прежде чем я смог бы её остановить.

*Милая Мирабель. Я прожил полную и счастливую жизнь, и, в конце концов, потерял её смысл. Может быть, он найдётся у тебя?
Навсегда благодарный тебе Арми Б.»*

Я аккуратно отложила записку на стол перед собой, прикрыла уставшие глаза и уперлась сухими губами в сложенные вместе ладони. До сих пор я не знала ни о его влюблённости в меня с первого взгляда, ни тем более о силе его чувства. Более шести десятилетий назад он лишь попросил меня ответить ему на вопрос о том, кто мне больше нравится: Геральт или он. Геральт говорил мне о любви – Арми предпочитал использовать слово “нравишься”. А я, как и все люди, и особенно женщины, хотела быть именно любимой, а не всего лишь нравящейся. Я дала ему односложный ответ на его откровенный вопрос, и на следующий день он уехал из города. Ну почему он ничего не сказал? Почему люди начинают говорить только в самом конце жизни, перед лицом неминуемой смерти? В нашем случае, как и в большинстве других похожих, это уже совсем неважно. Шестьдесят два года назад я выбрала Геральта, в браке с которым была счастлива так, как бывают счастливы очень редкие, а может быть и совершенно исключительные пары. Прожив такую сильную любовь, я не променяла бы её, даже если бы мне пообещали взамен еще более сильное чувство. Мне не нужна вторая жизнь. Я хочу наконец встретиться с любовью всей моей жизни. И время этой встречи уже близко. Я это чувствую и я этого не отменю.

Глава 10

Никогда прежде я не бывала в гостях у своих детей так часто: дважды за одну неделю! Прежде я рисковала бы с ума сойти от радости, теперь же чувствовала только усталость... Слишком шумно, снова чрезмерно пахнет духами Лукреции, все сосредоточены исключительно на денежных вопросах, а у меня ноет обожженное предплечье, о состоянии которого все, кроме меня самой, снова успешно запомнили.

Прошло всего лишь полтора дня с момента оглашения мистером Пибоди последней воли Армии Боффорта, а все мои родные люди, и даже не очень родные, уже были оповещены о том, что каждый из них стал наследником баснословного наследства. Как дружные между собой родственники, они разделили всё поровну: Джерри и Лукреция, Йен и Шанталь, Керри, Тиффани, Закари и Присцилла – ровно восемь совершеннолетних наследников. Но как же они не учли несовершеннолетних? Как же Валери и Бен, Лаура, Фэй и Дейзи? И меня тоже не учли. Снова.

– Вы забываете, что десять миллиардов – это всего лишь стартовая цена вакцины, – широко улыбаясь и протягивая попкорн Тиффани, Джерри правил семейным собранием (первым, на которое меня пригласили мои взрослые дети). – Тот юрист, Джим Пибоди, сказал, что десять миллиардов вовсе не потолок, а я ему верю, как самому себе. Представьте, какие состояния захотят вывалить за возможность омолодиться миллиардеры всего мира...

– Ты прав, – щелкнула пальцами с пурпурными ногтями Лукреция, – нам необходимо устроить самый жёсткий и самый громкий аукцион, который только видывала Америка. В конце концов, речь идёт не о ширпотребе, а о настоящих восьми кубиках вакцины Боффорта! Тот хороший человек, Джим Пибоди, сказал, что их всего семь и аналогов в мире нет, так ведь, Джерри, дорогой?

– Да, всё верно, дорогая.

– Бен уже заказал себе барабанную установку, о которой мечтал с пелёнок, – угощаясь лакрицей, подала голос Присцилла. – А Валери хочет заказать на день своего рождения выступление бой-бэнда “Five suns of Africa” – она с пятого класса влюблена в главного вокалиста.

– Барабанная установка и музыкальная группа? – встряла Тиффани. – Вашим детям, Закари, нужно учиться мыслить шире. Я уже выбрала себе особняк в Италии...

– Особняк? – Закари скрестил руки на груди. – Видел я его, ты ведь уже показала его фотографии. Так вот это совсем не особняк, дорогая моя сестрёнка. Это полноценный дворец королевской особы.

– Машину себе обновлю, – подала голос Керри, пятью минутами ранее сообщившая о том, что как только получит на руки свою долю, сразу же переедет жить в Нью-Йорк.

– Твоей машине всего лишь два года, мы с матерью купили её тебе в честь рождения Дейзи, – заметил Джерри.

– Это всего лишь Ford. Я хочу Land Rover. В конце концов, я мать-одиночка, я могу себя порадовать машиной, тем более это не так роскошно, как покупка виллы на Тенерифе, которую ты пообещал Лукреции, да, папочка?

– А почему... – подала голос я и замолчала, чтобы дать всем возможность обратить на меня внимание.

– Да, мамочка? – сосредоточившись на попкорне, первой обратила на меня внимание дочь.

– Почему никто не предложит вколоть вакцину мне? Ведь это реальная возможность продлить мне жизнь. Ведь в теории, можно было бы попробовать вколоть эту дозу мне, и, в случае успеха, я, может быть, смогу прожить дольше, и тогда вам не нужно будет заботиться о доме престарелых.

Все замерли. Шанталь поперхнулась попкорном. Йен начал усердно стучать её по спине. Первым очнулся Закари:

– Это слишком опасно. Вдруг вакцина тебя убьёт?

– Ты хорошо заметила, мама, – вновь заговорила Тиффани, – что этот путь можно было бы попробовать реализовать только в теории. Закари, несомненно, прав: мы не можем рисковать твоей жизнью, чтобы проверить действенность этой неопробованной никем вакцины.

– А жизнями миллиардеров рисковать можем, потому что это не грех, – нервно хихикнула Присцилла.

– Мама, всё изменилось, – Джерри перевалился через кухонную столешницу, за которой все мы стояли, и обеими руками взял меня за мои иссохшие от старости ладони. – Теперь мы тебя никуда не отдадим. Никакого престарелого дома. Забудь об этом. Теперь мы можем нанять тебе целый штат прислуги, так что нет надобности в твоём переезде из твоей любимой квартиры.

Вот как... Им всем виллы и дворцы, а мне нет надобности покидать свою крохотную квартирку.

– А как же слова Тиффани о том, что даже если бы у каждого из вас было бы по замку, вы всё равно не смогли бы забрать меня к себе?

– Это была метафора, мама, – моя строгая дочь едва не закатила глаза по примеру своей племянницы. – Не утрируй, пожалуйста, желая вызвать у меня чувство вины на ровном месте. И потом, забирать мы тебя к себе не будем. Ты ведь этого и не хотела, так ведь? Вот мы и не будем идти против твоей воли. У тебя будут прислуги и обеспеченная всем необходимым старость...

– А вы знаете, что мне необходимо?

Мой вопрос потонул в череде новых восклицаний моей семьи: “Мы никогда не были особенно богаты, всегда средний класс, а здесь вдруг...”, “Нужно назначить дату аукциона...”, “Можем устроить семейный шопинг в Париже...”, “Белое золото всегда в цене и в моде...”, “Можем купить билеты на спектакль в первый ряд...”, “Интересно, какие напитки подают в бизнес-классе...”, “Познакомлюсь с королевой красоты...”, “Ни дня больше не буду работать...”, “Найму няню, чтобы наконец перестать быть обслугой младенца...”, “Подарю лучшей подружке часы Rolex, вот ведь она удивится...”.

Глава 11

Меня вызвалась завести домой сама Тиффани. Я прежде никогда не была пассажиркой её серебристого BMW. Получается, Джерри чуть ли не впервые за всю свою жизнь оказался прав: всё действительно изменилось.

– Значит, особняк в Европе? – первой заговорила я, стоило нам отъехать от дома Джерри. – А я думала, что ты настолько сильно любишь свою работу, что ни за что бы не уехала из Бостона.

– Через два года мне исполнится пятьдесят лет, мама. Большую часть своей жизни я посвятила делу критика, а это не самый лёгкий бизнес. У меня были и поклонники, и два предложения выйти замуж, но я отказалась и от замужества, и от идеи стать матерью, и всё ради того, чтобы реализовать себя в деле, в котором меня даже по истечении двух с половиной десятилетий ценят только наполовину. Скажу откровенно: это дело опостылело мне уже достаточно давно. Моя работа умеет только брать, отдает же взамен сущие крохи: дипломы, авансы, приглашения на званые ужины элит... Я немного устала. Хочу отдохнуть. Но для того отдыха, который я хочу для себя, нужны деньги. Да, в свои сорок восемь я вся подтянутая, упругая и свежая, но всё это не даётся мне бесплатно: массажи, уколы, йога, все круги спа-салонов, да еще нуждающийся в постоянном обновлении гардероб – вот основная статья моих расходов. Я бизнесвумен, которая наконец может признаться в том, что устала. Не хочу прозябать в безликой Бостонской суеде из бетона и механических шумов. Обожаю озелененные европейские города с их древней архитектурой. Так почему бы и не начать новую жизнь с Европы?

Я задумалась: и вправду, почему бы?..

– Мама, ты меня слушаешь?

– Что я пропустила?

– Закари говорил, что возил тебя утром на перевязку руки. Как себя чувствуешь?

Что это, забота? Или беспокойство о том, чтобы я не испустила последнее дыхание до того, как они успеют разбогатеть через меня?

– Рука всё ещё побаливает, но я чувствую себя в порядке. Доктор даже сказал, что кожа заживает очень хорошо, как для моего возраста. Секрет в марлевых примочках из трав, которые я делаю по утрам и по вечерам... – я покосилась взглядом на дочь и увидела то, что и ожидала: безразличный взгляд незаинтересованного слушателя, сверлящий лобовое стекло. – Я думала, ты хотела уехать в Бостон сегодня вечером.

– Издеваешься? По такому случаю я, конечно же, задержусь.

Даже на дни рождения своих родителей она не задерживалась, а здесь – без проблем, и даже дела на роскошной работе уже не помеха. Я замолчала, решив переварить всю новую информацию в тишине, но не знала, с какого конца взяться за переваривание. С того ли, что я все эти годы была слепа, или с того, что по чуть-чуть начала прозревать только сейчас, когда уже слишком поздно...

Наконец мы подъехали к моему дому, Тиффани остановила автомобиль прямо напротив подъезда.

– Дом, милый дом, – улыбнулась мне дочь.

– Тиффани, – я посмотрела в светлые глаза своей дочери в упор и с лёгкостью разглядела в них не только Бекс, но и Трумана, а себя с Геральтом нет, не увидела.

– Что ты хочешь сказать, мама?

– Я хочу попросить тебя об одной услуге.

– Всё что угодно, дорогая, – дочь неожиданно положила свою руку на моё здоровое предплечье и слегка пожала его – жест заботы. Когда в последний раз она называла меня “дорогой” и называла ли таковой вообще?.. Когда она была так готова слушать меня? И так добра – когда?

– Ты ведь знаешь, что сказал в присутствии Джерри мистер Пибоди о том, когда именно я вступлю в наследование?

– Да, ровно через две недели.

– Верно. Так вот моя просьба: перед тем, как мистер Пибоди передаст мне это наследство и вы назначите дату аукциона, я хотела бы провести хотя бы одну неделю в спокойствии. Всё это слишком неожиданно, всё перевернулось с ног на голову, понимаешь?

– Конечно понимаю. Ты хочешь, чтобы мы тебя просто не беспокоили до твоего официального вступления в права на наследство.

– Не просто. Я хочу уединения. Дом у озера отлично подойдёт. Помнишь, какой он замечательный? – я невольно улыбнулась. – Его спроектировал мой Шон. В этом месте я была счастлива с Геральтом, мы все тогда были вместе, ты с Джерри и Закари ещё были подростками... Я бываю там каждое лето – меня возят туда твои братья. Там так спокойно и хорошо...

– Мама, – рука дочери на моём предплечье сжалась сильнее, – тебе разве Джерри с Закари не рассказали?

Моё сердце замерло:

– Что именно мне должны были рассказать твои братья?

– Дом у озера уже выставили на продажу.

– Как?! – восклицание вырвалось из моего рта прежде чем я поняла, что хочу именно воскликнуть. – Не спросив у меня разрешения?! Это ведь мой с вашим отцом дом!

– Да, но официально он записан на Закари, так что с продажей не должно было возникнуть проблем. Мы думали, что он тебе больше не понадобится, раз уж ты начнёшь жить в “Доме Счастья”. – Она снова перепутала слова! Вместо “закончишь жить” произнесла “начнёшь жить”! – Прости, что не сказали тебе сразу. Не переживай, мы его еще не продали. Скажу братьям, чтобы немедленно сняли его с продажи. Мы можем себе это позволить, раз уж мы теперь богаты. Теперь эта продажа не важна: смешная сотня долларов на фоне миллиардного состояния. Я тебя слышала, мам. Поездка в дом у озера для твоего успокоения. Сегодня же передам братьям твою просьбу.

Я вышла на тротуар на ватных ногах. Как будто меня подушкой по голове ударила собственная дочь и сделала это не в порыве игры, а в реальной попытке оглушить. Стоило мне хлопнуть дверцей автомобиля, как он снова завелся и уже спустя несколько секунд скрылся за поворотом соседней улицы. Дочь даже не подумала убедиться в том, что я благополучно поднялась по высоким ступеням и вошла если не в квартиру, тогда хотя бы в подъезд. И даже знание того, что я теперь бесценна в материальном плане, не заставило её наблюдать за разваливающейся старухой, ползущей вверх по лестнице.

Я повернулась лицом к двери подъезда и снова замерла. Знакомая фигура и знакомый костюм, но в ночной темноте, да еще и без света потухшего на прошлой неделе уличного фонаря, я не смогла точно определить, кто именно стоит возле входа в мой дом. Но стоило мне услышать низкотонное: “Добрый вечер, Мирабелла”, – как сразу же поняла, что не ошиблась. Это и вправду была Хильда, которую я не видела последние два года – со времени её развода с Джерри. Её внезапная материализация могла бы показаться мне интересной, если бы не всё то, что я узнала о своей семье за последние пару дней. Так что нет, не интересно. Напротив – весьма предсказуемо. И тем не менее, я не ждала её прихода уже сегодня.

Глава 12

В прихожей на комод лежал ошейник Вольта. И как я не заметила его и не убрала в коробку? И почему я лишилась присутствия лучшего друга в моей жизни именно сейчас, когда всё это вдруг навалилось на меня: старость, беспомощность, безразличие детей, пугающе великое наследство...

Хильда зашла в квартиру вслед за мной. Конечно же я её пригласила – не хочу, чтобы нас подслушивали любопытные соседи, живущие с приоткрытыми окнами. Включив свет и сняв обувь, я проследовала в гостиную, и Хильда последовала за мной. Сев за стол, я начала рассматривать её. Высокая и уже чуть-чуть седеющая шатенка со стрижкой-лесенкой до плеч, строгий юбочный костюм серого цвета и чёрная сумочка на плече выглядят чуть подешевле костюмов и сумочек Тиффани, ей пятьдесят четыре, но развод с Джерри как будто пошел ей на пользу, по крайней мере она стала выглядеть немногим лучше, чем три года назад – кажется, Йен намекал на то, что его мать начала встречаться с неизвестным нашей семье мужчиной?

Я присела на стул, потому что у меня всё ещё немного подрагивали колени – я сегодня достаточно находилась и наслушалась, наподнималась и напускалась по крутым ступеням... И, к своему отчаянию, заметно сильно устала. Столько гостей и столько внимания я не получала со дня ухода Геральта. Когда же всё это наконец закончится? Так, Мирабелла: да, ты старая и ты устала, но нужно переставать ныть – чем раньше начнёшь, тем быстрее закончишь.

– Полагаю, моя бывшая невестка вспомнила обо мне по той же причине, по которой обо мне вспомнили и все остальные, действующие мои родственники.

– По какой же? – тон юриста, смешанный с тоном обыкновенной женщины.

Неужели она и правда хочет, чтобы я все слова сказала вслух самостоятельно и тем самым сняла с неё надобность напрягаться? Ладно, она ведь неплохая женщина, так что раз ей так будет легче... Всю свою жизнь я заботилась о том, чтобы не напрягать людей. Какая же я глупая.

– Тоже прослышала о наследстве?

– Да, это так... – я заметила, как её рука чуть сильнее сжала ремешки висящей на ее плече сумочки. – Керри рассказала.

Когда-то Хильда была неплохой женой для Джерри и неплохой невесткой для меня и Геральта, и она всё ещё неплохая мать для Йена и Керри. Да, у нас никогда не было тёплых взаимоотношений, и тем не менее, она в своё время заслужила моё уважение, которого Лукреция не смогла бы заслужить от меня даже родив мне пятерых внуков.

– Не обдели меня, Мирабелла. Я родила тебе двух замечательных внуков, от которых у тебя уже есть две правнучки. Когда твой сын бросил меня, променял на малолетку, я не жаловалась тебе, не причитала и не скандалила, хотя мне было что сказать о воспитании Джерри. – Вот значит как. Может быть, она и права, а может, причина не в том воспитании, которое получил от меня с Геральтом этот ребёнок, а в его сугубо личных отношениях с ней самой? А может быть, всё сплусовалось? И тем не менее, она сейчас положила вину только на мои труды... – Ты всегда была справедливой. Не обдели же и меня. Дай хотя бы немного.

– Сколько? Миллион? Два миллиона?

– У тебя миллиарды. Оцени свою любовь к внукам и правнукам, произошедшим от меня. – От услышанного я поджала губы и пожевала их. Мне не нравилось, как сегодня говорила эта женщина. Видимо, она поняла это, потому что поспешила исправиться. – Можно за каждого по миллиону. Мне хватит, чтобы всю оставшуюся жизнь не съедать свои нервы на работе с сумасшедшими.

Значит, четыре миллиона долларов, по миллиону за Йена и Фэй, Керри и Дейзи. С учётом того, что речь идёт о миллиардах, это очень даже немного. Даже скромно.

– Я тебя слышала. А теперь, если не хочешь поинтересоваться моим здоровьем, можешь уходить.

Произведя всего один тяжелый вздох, Хильда развернулась и ушла. Она и так была на грани: сломала свою гордость, чтобы просить меня не обделить её наследством. Но зато она никогда не была лицемеркой, за что я её и уважала. Она не стала учить Йена и Керри просить за неё, не стала интересоваться у меня моим здоровьем, состояние которого ей действительно неинтересно. Сама, не марая рук своих детей, сделала то, что хотела сделать, и не спросила о том, что ей безразлично. Если бы мои собственные дети были бы такими же честными, я бы прожила менее улыбчивую, но зато не затуманенную слепотой родительских чувств жизнь. Им, как и Хильде, неинтересна я, но Хильда лучше их только потому, что она никогда не притворялась передо мной = не врала мне. Я оставлю ей долю наследства. Она хотя бы и вправду заслужила.

Глава 13

Впервые за последние несколько месяцев своей жизни я ожидала прихода званых гостей, да ещё и непростых, отчего на протяжении всего дня очень сильно нервничала. Из-за переживания не заметила, как слишком плотно замотала бинт на обожженном предплечье – пришлось переделывать заново. Я как раз закончила с перевязкой и посмотрела на настенные часы, показывающие семь часов вечера, когда меня заставило подскочить на месте звучание дверного звонка. Я вновь перевела взгляд на часы, которые упорно твердили о том, что гости должны явиться только через два часа. Звонok повторился. Я запереживала: неужели дети прознали о моих планах на вечер? Но как? Тот мужчина пообещал сделать всё “тихо”, и я, почему-то, поверила в искренность его обещания. Тогда как? Не прослушивают же меня? А вдруг? Ведь может быть что угодно... Неужели информация просочилась в массы? Только не это. Не хочу стать главной темой дурацкого ток-шоу...

Я с дрожащим сердцем подошла к входной двери и, не снимая с нее предохранительной цепочки, приоткрыла её. Кто-то на лестничной площадке сделал шаг к образовавшейся щели... Передо мной возникла незнакомка. Такая же старая, как я, только морщин на лице заметно больше, ростом чуть ниже, фигурой чуть плотнее... Я не узнавала в этой старухе никого из своих молодых друзей, которые давным-давно разбросались по миру и состарились не у меня на глазах.

– Кто вы? – решила наконец поинтересоваться я.

– Добрый вечер. Меня зовут Имоджен Бигелоу.

– Мы знакомы? – задала следующий вопрос я, хотя уже и знала ответ на него: мы не знакомы. Голос совсем уж чужой.

– Нет, не знакомы. Вернее... – старушка тяжело вздохнула и потерела неестественно тонкими для её фигуры пальцами переливающиеся перламутровые пуговицы, украшающие её чёрный пуловер. – Мы знакомы только заочно, – теперь её голос зазвучал совсем уж уверенно. – Я Вас знаю, а Вы меня – нет.

– Вы журналист? – мои брови еще сильнее придвинулись к переносице. Только общественной шумихи мне сейчас не хватало!

– Конечно нет! Разве я похожа на журналистку? Семидесятипятилетние старухи вроде меня больше походят на музейные экспонаты, не находите?

Ничего подобного я не находила. Я на пять лет старше и я не считаю себя музейным экспонатом – я считаю себя живым человеком, способным наслаждаться ценностью дарованной ему жизни. Нечего себя хоронить заранее...

– Простите, Мирабелла, Вы позволите мне войти?

До прихода моих гостей ещё есть время, а она пришла явно ко мне, потому как точно знает моё имя. Что же это такое? Я предвидела в лице незнакомки что-то непростое... Поэтому и открыла дверь, и отошла в сторону, позволяя ей переступить порог моей квартиры. Потому что я никогда не бежала от проблем и всегда была готова к новым открытиям. Даже сейчас, когда у меня совсем не осталось никакой поддержки и опоры, и уж тем более защиты: ни Геральта, ни Шона, ни кой-нибудь ещё небезразличной души рядом со мной уже давно нет.

Закрыв входную дверь, я со скоростью неунывающей старухи прошла в гостиную, и незваная гостья, заметно прихрамывая на правую ногу, проследовала за мной. Мы обе сели за стол – по разные его концы, друг напротив друга.

– Я готова выслушать Вас, – снова первой начала я, видя, что моя гостья будто чувствует себя неловко, потому как стремится часто поправлять свою седую прическу, собранную в простой пучок на затылке.

– Не буду ходить вокруг да около, в нашем возрасте это излишне, а потому скажу Вам, Мирабелла, всё как есть. У Вашего мужа, Геральта Армитиджа, был внебрачный ребёнок. От меня.

Я не поняла, что именно услышала. А когда наконец поняла, всё равно не поняла...

– У Вас были отношения с моим мужем до нашего брака? – я сделала первую попытку понять.

– Боюсь, что нет. Это произошло при вашем браке.

– Что ж, я, конечно же, вам не верю, – мои руки уверенно легли ладонями на стол, в голосе прозвучала непоколебимая твёрдость.

– Вот, возьмите эти бумаги, – незнакомка вытащила из своей помятой сумочки несколько сложенных напололам бумажек, и протянула их мне, – официальный ДНК-тест, со всеми печатями, доказывающий факт того, что Геральт Армитидж является биологическим отцом моего сына Хэнка Бигелу.

Я взяла бумаги. И прочла их. И ещё раз прочла. А потом ещё и в третий раз... В голове загудело.

– Как? Кхм... – нахмурившись, я быстро заморгала. Будь я чуть моложе, я бы вскочила, воскликнула, ахнула, но... Я уж слишком стара для таких бурных излияний эмоций, к которым, в дополнение ко всему, никогда не была склонна. – Как это произошло? Когда?

– Он не изменял Вам регулярно. По крайней мере, со мной. Со мной у него *случилось* совершенно случайно и, судя по тому, что я видела позже, он сильно сокрушался из-за произошедшего, потому как любил Вас и вашего общего сына...

– У нас уже был Шон? – заключения ДНК-тестов как будто сами собой стекли с моих сухих рук на гладкую поверхность стола.

– Я родила Хэнка, когда вашему Шону было семь лет.

В памяти мгновенно отобразилась хронология: за четыре года до того, как мы взяли на себя опеку над Джерри, Тиффани и Закари. Вся жизнь, которая была до многодетного материнства, не обремененная финансовой неустойчивостью (за исключением периода потери обоих моих родителей), была для нас с Геральтом особенно счастливой. Мы были молоды, мы были влюблены, у нас был общий сын, мы копили деньги на финансовую безопасность для заведения второго ребенка... Мы копили деньги на второго... Нет, он не мог так поступить! Не Геральт! Он был без ума от меня, особенно в тот период, о котором мне говорит эта женщина! Он осыпал меня цветами и подарками, он приносил мне кофе в постель, он танцевал со мной под грампластинки, он каждый день говорил мне о силе своей любви... И его любовь как будто усилилась, когда Шону пошел седьмой год. Выходит, усилением могло послужить чувство вины? Нет! Не-не-нет... Речь ведь об обожающем меня Геральте, а не о чужом, неверном мужчине...

– Моя хромота врожденная, – вдруг прервала повисшую в пространстве тишину незнакомка. – На лицо я всегда была средней красоты, но откровенная хромота резко отталкивала от меня всех мужчин. В возрасте двадцати шести лет я уже понимала, что, скорее всего, замужество мне не светит, и, собственно, была права. Однако я и не грезилась о замужестве, как грезилась о возможности стать матерью. Непродолжительное время я была бухгалтером Вашего мужа, который был весьма красив, чтобы на него не заглядывались все его коллеги противоположного пола и даже клиентки. Однако он был неприступен и казался верным семьянином – я могла даже не мечтать о том, что Геральт Армитидж посмотрит в мою сторону. Однако я мечтала. Однажды нас двоих случайно заперли на складе с бумагой. У меня в сумочке, по счастливому для меня стечению обстоятельств, была бутылка виски. Мы осушили её вместе. Я сбросила с себя платье... Фактически, я соблазнила его зная, что это ни во что нормальное

для нас не выльется – он сделает всё возможное, чтобы остаться с любимыми женой и сыном, а я буду уволена. Впрочем, Геральт был из благородной породы мужчин, так что вместо того, чтобы уволить меня, уже на следующий день он перевел меня работать в другой отдел – с глаз долой. Вот только я забеременела от него.

Я ушам своим не верила. Я никак не могла вспомнить Геральта вернувшимся домой пьяным. Как же так? Что я упустила? Когда? Шону было шесть? Так... Что тогда в нашей жизни было? Резкий всплеск страсти и нежности со стороны Геральта примерно летом... Вот оно! У Шона были колики, я с ним ночевала у родителей, вечером следующего дня вернулась домой и встретила всё того же Геральта, только как будто умноженного вдвое: вдвое крепче объятия, вдвое сильнее поцелуи, два половых акта за ночь, вдвое продолжительнее танцы, вдвое вкуснее завтраки в постель, вдвое больше цветов в месяц – и так на протяжении всей оставшейся жизни... Это была не любовь? Это было... Чувство вины? Раскаяние? Смесь любви-вины-раскаяния???

Она сказала, что забеременела сразу же. А я не могла забеременеть на протяжении двух лет. Она сказала, что соблазнила его... А он ничего не сказал.

– После получения на руки ДНК-теста, Ваш муж на протяжении восемнадцати лет жизни моего сына ежемесячно перечислял на мой счёт сумму, на пятнадцать процентов превышающую установленные законом алименты. Видимо, сочувствовал моей участи хромой матери-одиночки, которую я всю свою жизнь воспринимала за счастье: я всё-таки стала матерью очень красивого и полностью здорового мальчика, а его отец, к которому у меня не было требований, так как я сама инициировала нашу близость, предоставлял нам финансовую помощь, отчасти благодаря которой мы с Хэнком не впали в своё время в нужду.

Мы с Геральтом подсчитывали деньги, чтобы завести себе еще детей, и по нашим подсчетам, мы не могли себе этого позволить, потому что, оказывается, всё это время он за моей спиной платил алименты на своего ребёнка, рождённого во время нашего брака, но не от меня, а от другой женщины?! Я не смогла стать матерью ещё одного ребёнка, потому что от моего мужа второго ребёнка родила другая женщина?! Меня накрывало что-то нехорошее... Кажется, мне хотелось вскочить в порыве, который присущ молодым особам, и столкнуть эту старуху с моего стула... Она спала с моим мужем?! Она родила от него ребёнка?! Поэтому у меня с ним был только Шон?! Поэтому у меня сейчас нет никого по-настоящему родного?! Потому что она украла у меня мою возможность повторно стать матерью, которой я владела по праву своего брака с женщиной, который по пьяни трахнул её несчастную-нуждающуюся?!

– Вы вправе злиться, – по-видимому, правильно считав выражение моего лица, заключила Имоджен Бигелоу. Мои желваки и скулы заходили ещё сильнее. – Но дослушайте прежде чем проклинать меня. – Дура она дура! Я не из тех, кто проклинает! И Геральт, зная об этом, всё равно не рассказал мне ничего! Как он мог смолчать?! Столько лет! – Но дослушайте меня до конца и поймёте, что я уже сполна заплатила за то, как поступила с вашей прекрасной семьёй. Не стоило мне соблазнять женатого мужчину и тем более заводить от женатого ребёнка – не навлекла бы на себя и на своего ребёнка такой горестный исход... Знайте, что Геральт любил Вас настолько, что ни разу не пообщался с сыном, рождённым от меня. Не знаю, сожалел ли он об этом после... Надеюсь, что нет, потому как я достаточно нанесла душевных мук этому мужчине. В возрасте тридцати двух лет Хэнка зарезали неподалёку от моего дома – обыкновенная кража кошелька с незапланированным летальным исходом.

Меня словно ледяной водой окатило. Она потеряла своего единственного ребенка. Рождённого от Геральта. Повторила мою историю убитой горем матери. Вернее... Я повторила её роль? Она сказала, что её Хэнку было тридцать два, получается... Он умер за год до Шона?

Горло сжалось, дыхание перехватило... Злости не осталось ни капли. Одно сочувствие, способное, кажется, покрыть любой грех этой женщины. Она потеряла ребенка. Единственного. Никто не заслуживает подобного.

– Преступника нашли? – мой голос захрипел. Я боялась услышать “нет”, потому что этот ответ породил бы отчётливую связь между преждевременной смертью обоих сыновей Геральта.

– Да. Его зарезал пробегающий мимо наркоман. Всё было записано на камеры наблюдения, установленные возле банкомата. Убийцу нашли к концу того же дня – скончался от передозировки наркотиками в карете скорой помощи.

Это ужасные слова, но этой убитой горем матери повезло. Страшнее не знать, кто забрал жизнь у твоего ребёнка, не знать, наказано ли зло по заслугам. Я с этим грузом живу уже пятнадцать лет и никто не может мне помочь.

В моей памяти внезапно начали проявляться вспышки воспоминаний. Как раз за год до потери Шона Геральт ранней весной вдруг совершенно неожиданно впал в сильную хандру, граничащую с депрессией. Мне он сказал, что у какого-то его друга детства из Атланты, которого я не могла знать, умер сын. Чуть больше чем через год, когда не стало Шона, он рыдал на моей груди со словами о том, что мы потеряли нашего сына за его грехи. Я не понимала его слов, потому что в моих глазах он был безгрешен, но он рыдал... Рыдал, а не сознался в том, о чем мне сейчас рассказывала сидящая напротив меня незнакомка. Боялся добить заблудившуюся в депрессии меня? Боялся потерять и меня тоже? Боялся всего и сразу? Геральт был трусом?! Нет... Нет, он не был таким! Потому что я его таким не помню!

– Вы пришли, чтобы излить свою душу? – мой голос звучал потухше. – Чтобы получить прощение?

– Разве за такую боль можно получить прощение?

– Не хотите попробовать?

– Простите же меня, Мирабелла. Мне очень... Мне безмерно жаль.

– Я прощаю вас.

Женщина на мгновение замерла. И вдруг спросила неожиданное:

– Вы святая?

– Я старая. Старость умеет прощать. Но вы пришли не за прощением.

Если меня что-то преждевременно и сведет в могилу, так это моя эмпатия.

– Нет, я пришла за другим, но неожиданно получила нечто более ценное... Я не знаю...

– Старуха начала кусать губы, в её голосе послышался надлом. – Не знаю, как можно отблагодарить Вас за Ваше прощение...

– Просто скажите, зачем Вы пришли ко мне, и уходите.

Столько лет хранить тайну, чтобы в итоге, после того, как от этой тайны не осталось ничего, заставить себя встать, прийти и выдать правду. Для такого нужна смелость, и нужен серьёзный повод. А если есть повод, значит, от этой тайны что-то до сих пор да существует, какая-то крошка, какой-то след, какое-то продолжение...

– Я прослышала о... Я пришла попросить о... Наследстве.

Пощечина прилетела так жестко, что я в который раз удивилась, как до сих пор выжила со своей-то жалостливостью:

– Ха! Вы пришли ко мне за наследством?! Не знаю, откуда вы узнали про моё нынешнее финансовое положение... Но вы действительно думаете, будто я протяну вам хоть цент?!

– Я... Прошу не для себя... – собеседница снова полезла в свою помятую сумочку.

– Вашего сына, как и моего, уже давно нет в живых...

– У него... У Хэнка осталась дочь... – она протянула мне фотокарточку, но я не взяла её, и тогда она положила её на стол и подтолкнула её таким образом, чтобы та проскользила прямо к моим рукам. – Серафина родилась за год перед тем, как не стало Хэнка. Мать девочки бросила нас сразу после её рождения. Сначала мы с Хэнком были вместе, но уже спустя год мы с Серафиной остались одни.

Я взяла в руки фотокарточку. На ней была изображена красивая молодая девушка лет семнадцати, с длинными тёмными волосами и знакомыми чертами лица: губы точь-в-точь как

у Геральта, что сразу же болезненно резануло мои глаза, но вот все остальные детали я уже как будто видела где-то... Девочка была на кого-то похожа, но на кого? Я никак не могла припомнить...

– Необычное имя: Серафина, – заметила я, продолжив морщить лоб в попытке понять, что же в этой девочке так знакомо мне.

– В честь дальней родственницы. Её бабка по материнской линии была оперной певицей, которую сейчас уже никто и не помнит.

– Серафина Помпадур? – сразу же вспомнила я. Не успевать за текущим веком и хорошо помнить прошлый век – удел стариков.

– Да, именно она.

– Я помню её выступления в конце прошлого века. Она очень хорошо пела, как для нашей провинции.

– Не обзавелась бы дочерью – матерью Серафины – и вдобавок фанатичным мужем, в итоге сгубившим её своей ревностью, наверняка спела бы для более широкой и умеющей слушать публики.

Надо же. На меня с фотокарточки смотрела смесь Серафины Помпадур с Геральтом Армитиджем, унаследовавшая от своей бабки и своего деда лучшие внешние качества. Интересно было бы узнать, что внутри... Нет, на самом деле – неинтересно.

– Моя жизнь сложилась таким образом, что сейчас я очень бедна. Мы с Серафиной едва сводим концы с концами, а между тем девочка очень умна. Настолько, что у нас есть надежда на бесплатное образование, оплачиваемое только её талантами, но вероятность поступления в университет всё равно колеблется пятьдесят на пятьдесят – слишком много в этой стране нуждающихся в материальной помощи талантов. Я откладывала на её образование с момента её рождения, но сейчас мне понадобилась операция на ногу, деньги придется брать из этих накоплений... Со своими талантами моя внучка рискует остаться без необходимого её навыкам образования, и всё потому, что её старухе требуется лечь под нож. Я стара и бедна, а она ещё слишком юна и совсем одна. Если меня не станет... Если я стану обузой... Если она не вырвется из этого города... Слишком много “если”, за которые я не прощу себя так же, как никогда не прощу себя за то, что тем злосчастным утром позволила Хэнку уйти от меня в порыве ссоры. Я прошу не для себя. Я прошу... Для кровной внучки Вашего мужа, Мирабелла.

Я перестала смотреть на фотокарточку, хотя продолжила удерживать её в руках. Как же быстро расползаются слухи... Однако слухи о том, что у моего мужа есть ребёнок на стороне, есть внучка на стороне, до меня дошли так поздно, что, может быть, им и вовсе не стоило доходить?... Или всё же стоило?..

– Откуда Вы узнали о моей способности оставить потомкам Геральта наследство?

– Так получилось, что последние пять лет лучшей подругой моей внучки Серафины является её одноклассница Валери Лерой – старшая дочь вашего младшего сына. – Так вот откуда такое дежавю! Я узнала в портрете этой девушки вовсе не Серафину Помпадур и даже не Геральта! Я видела эту серьёзную девчушку в доме Закари и Присциллы, на пятнадцатом дне рождения Валери. А ведь она мне тогда понравилась своей рассудительностью... – Они сводные кузины, но они, конечно же, не знают об этом. Валери поделилась новостью о своём наследстве с Серафиной, а Серафина поделилась со мной. Так я узнала. Поэтому я здесь.

Я положила фотокарточку на стол и пальцами придвинула её назад собеседнице. Женщина молча приняла её и спрятала её вместе с результатами ДНК-теста в недрах своей помятой, как она сама, сумочки.

Она может оказаться шарлатанкой. Бумажные свидетельства могут быть поддельными. И даже если хотя бы половина истории этой женщины является правдой, если Хэнк Бигелов на самом деле был сыном Геральта, Серафина вполне может и не быть внучкой Геральта – вдруг её мать изменяла Хэнку? Однако на проверку у меня совсем не осталось времени. Начало моего

плана должно быть положено сегодня, время уже подходит, так что я не могу позволить себе отвлекаться на разборки и поиски заведомо субъективной правды, а значит, решу всё наугад...

– Я ничего не буду Вам обещать. Уходите.

Глава 14

Джим Пибоди пришел спустя полтора часа после ухода Имоджен Бигелоу – ровно в девять часов, как было установлено. Все окна были плотно занавешены, над столом светила всего одна лампа, под которую юрист Арми Боффорта и положил малюсенький чемоданчик-шкатулку металлического цвета.

– Это и есть... “Оно”? – выдержав паузу, поинтересовалась я.

Я ожидала увидеть как минимум один из таких кейсов, которыми режиссёры любят щеголять в старых-добрых блокбастерах и новейших триллерах.

– Скорее всего, перед Вами сейчас не миллиардное состояние, миссис Армитидж, – уверенным тоном отозвался мистер Пибоди. – Вполне возможно, что перед Вами триллионное состояние, а быть может даже и большее, просто мы с Вами не знаем таких цифр.

Я посмотрела на своего собеседника испуганным взглядом:

– Почему Вы не присвоили это состояние себе?

– Последние сорок лет я был самым близким соратником и лучшим другом Арми Боффорта. Но есть и ещё кое-что: передавая Вам его наследие, я отдаю ему свой долг.

– Долг? Какой ещё долг?

– Арми спас моих жену и дочь, чем в буквальном смысле спас меня. Благодаря ему я сейчас старею в компании любимой женщины и могу наблюдать взросление двух своих замечательных внуков.

– Каким образом Арми спас вашу семью?

– Он сумел вовремя вывезти их на частном вертолете из зоны цунами на Ближнем Востоке. Ровно спустя десять минут после их своевременной эвакуации остров, на котором они отдыхали, смыла пятиметровая волна. Это было очень давно, целых восемнадцать лет назад, но я до сих пор не оплатил Арми за то невероятное и кажущееся невозможным спасение моей семьи. Пришло время рассчитаться. Передача Вам этой вакцины, олицетворяющей собой весь жизненный путь Арми – его последняя воля. Я исполняю её с великим чувством благодарности перед Арми за то, что он позволил мне оплатить ему, пусть и после его ухода. Как мы и обсуждали в нашем последнем телефонном разговоре: я ничего не сказал вашим близким и сообщил покупателю, вышедшему на меня в начале прошлой недели, о том, что Вы готовы с ним встретиться.

– Покупатель – известный миллиардер и филантроп Редьярд Рэйнд, верно?

– Верно. Сорок пять лет, неизлечимо болен, вакцина нужна для исцеления.

– Она не только омолаживает? Может исцелить неизлечимую болезнь?

– Может, – категорично и максимально уверенным тоном утвердил мой собеседник, видимо, чтобы у меня не осталось ни малейшего сомнения. – Вакцина в первую очередь омолаживающая, но если в организме получившего дозу человека есть серьезная и даже неизлечимая болезнь, всё её действие уходит на устранение очага заболевания, а не на наделение организма молодостью...

– Но ведь вы говорите о лекарстве от всех болезней! – я схватилась обеими руками за стоящий передо мной стул.

– Именно поэтому Арми не хотел делиться им с человечеством...

– Не понимаю.

– Если бы Вы изобрели нечто более мощное, чем ядерная бомба, зная обо всех пороках людских, Вы бы открыли своё изобретение людям?

– Но Арми доверил мне эту вакцину.

– Арми всегда знал, кому можно доверять, а кому нет.

– Поэтому Вы сейчас стоите передо мной.

– Именно... Ну что же, приглашаем мистера Рэйнда в Вашу скромную обитель?

– А он уже здесь?!

– Приехал одновременно со мной, с водителем ожидает снаружи.

Моё старое сердце с болью ударилось о не менее старые рёбра. Поступаю ли я правильно? Ведь не узнаю, пока не попробую – верно?

Спустя пять минут в моей гостиной появился ещё один неизвестный мне человек. Я, наверное, ожидала увидеть кого-то наподобие мистера Пибоди, только в более дорогом плаще и с золотыми часами на руке, но передо мной внезапно предстал мужчина совершенно непохожий на миллиардера: в кофте на замке и обыкновенных джинсах, из украшений только золотое обручальное кольцо, темноглазый брюнет с приятным лицом, высокий, спортивно сложенный, однако заметно осунувшийся – его уже заметно клонил к земле его недуг.

– Мистер Пибоди назвал мне условия сделки, – прокашлявшись в кулак, начал мистер Рэйнд. – Я должен убедить Вас в том, что действительно нуждаюсь в исцелении, после чего должен буду вколоть вакцину при Вас, чтобы Вы убедились в том, что я не стремлюсь приобрести её ради разработок.

– Всё верно, – я уверенно кивнула, при этом одарив своего собеседника строгим взглядом придирчивой старухи, какой никогда не являлась, но каких немало видывала на своем жизненном пути.

Мистер Рэйнд приблизился ко мне и, закатав рукав своей кофты, протянул руку в моём направлении. Всё его предплечье от запястья до закрытого кофтой локтя было покрыто страшными язвами. Я пошатнулась, но со стороны это могло выглядеть так, будто я отстранилась.

– Это не заразно. Но это смертельно, – мистер Рэйнд начал прятать свою пораженную руку обратно под рукав. – По прогнозам врачей, мне осталось недолго – от силы два месяца. Я знаю, что стартовая цена вакцины оценивается в нереалистично маленькую сумму: всего лишь десять миллиардов долларов. И я знаю, что вам выгоднее было бы продать эту вакцину на аукционе. Моё финансовое состояние на сегодняшний день оценивается в девяносто пять миллиардов долларов, что Вы легко можете проверить, прибегнув к помощи интернета. Я могу отдать вам все свои деньги... Я знаю, как их зарабатывать, так что не боюсь потерять их. Но я осмелюсь предложить вам следующую сделку: девяносто миллиардов взамен на тот один кубик вакцины, который вы решились продать. Лишь бы увидеть, как моя жена родит моего первенца, – с этими словами мужчина протянул мне свой телефон – на экране высвечивалась фотография красивой женщины с округлившимся животом. – Мне сорок пять, Хоуп тридцать девять, пятнадцать из двадцати лет нашего брака мы пытались зачать естественным способом, но у нас получилось только сейчас, когда я... Она на шестом месяце беременности, а это значит, что я не дотяну до рождения нашего сына, если только один кубик вакцины Боффорта не спасёт мою жизнь. Если только её не спасёте мне Вы, миссис Армитидж.

– Я читала о Вас, мистер Рэйнд. Вы сделали много хороших поступков: основали центры помощи бездомным, больным, травмированным, беженцам и даже животным – всё за свой счёт. Надеюсь, это не маска, за которой прячется зло.

– Я верующий человек, миссис Армитидж. Моё богатство дал мне Бог. И я верую в то, что именно Он привёл меня к Вам. Я обещаю... Если Вы дадите мне второй шанс, я воспользуюсь каждым его процентом. Я помогу большему количеству людей, я стану ещё более яростным филантропом, я воспитаю своего сына хорошим человеком, я научу его не отворачиваться от нуждающихся в помощи... – он закашлялся. Моё сердце заколотилось. Мысли закричали: “Тебя столько раз обманывали – рядом с тобой не осталось ни одного человека, который не обманул бы тебя, который не воспользовался бы твоей жалостливостью... И всё равно... Всё

равно ты веришь очередному незнакомцу, чья душа – потемки... Потому что хочешь верить. Потому что хочешь лучшего. Не только для него, для его ребенка и для тех людей, которым он обещает помочь. Но и для себя. Вот почему. Ты обыкновенная эгоистка, Мирабелла. Ведь ты не спасаешь его забесплатно – не спасаешь нищего – не жертвуешь, а продаёшь...”

– Я продам вам один кубик вакцины, мистер Рэйнд. Вы сказали, что Ваше финансовое состояние оценивается в девяносто пять миллиардов долларов и предложили мне девяносто из них. Я возьму восемьдесят. Из тех пятнадцати миллиардов, что останутся у Вас, Вы сможете отлить хороший фундамент для своих дальнейших достижений, раз Вы решили, что Вам хватило бы и пяти. Пусть это поможет Вам помочь как можно большему количеству нуждающихся и обездоленных, как Вы и пообещали мне. Надеюсь, один кубик вакцины Боффорта поможет Вашему сыну узнать Вас.

Мистер Рэйнд смотрел на меня в упор. Он ничего не ответил, но в его глазах появились слёзы, которые не могли сорваться с его глаз. Эта вакцина – его последняя надежда. Не сработает она – ничто уже не поможет. Сегодня он либо получит второй шанс на жизнь, либо узнает, что для него всё кончено. Его беременная жена сейчас, должно быть, с ума сходит, где-то в их дорогом особняке дожидаясь своего любимого... Нужно его отпустить.

– Одного кубика более чем достаточно для исцеления, – решил заверить мистера Рэйнда мистер Пибоди. – Как хочет моя клиентка, и как мы договорились заранее – сделка пройдёт втайне.

– Обеим сторонам не нужна гласность, – согласно кивнул мистер Рэйнд, дрожащими пальцами проведя по своей слегка взъерошенной стрижке.

Дальше всё пошло быстрее. Мистер Пибоди принес из соседней комнаты чемоданчик, я вскрыла его при помощи заранее переданного мне в запечатанном конверте пароля, мы извлекли из чемоданчика одну из семи ампул с автоматическим шприцем. Я назвала реквизиты трех своих счетов, зарегистрированных за пределами США. Эти счета были созданы менее пятнадцати лет назад – отдельная, длинная история, касающаяся нашего с Геральтом брака. Деньги пришли на счета в течение следующих двадцати минут. Я несколько раз считала нули на каждом счете и несколько раз сбивалась, но когда наконец всё сошлось, с облегчением протянула мистеру Рэйнду его одну ампулу, встроенную в автоматический шприц. Как и было условлено – он вколол её при мне и мистере Пибоди, согласно инструкции, в вену на руке. Стоило ему это сделать, как мистер Пибоди сообщил о том, что мгновенного результата не будет. Я расстроилась – хотела, чтобы волшебная вакцина волшебным образом исцелила мистера Рэйнда прямо у меня на глазах. Мистер Рэйнд же как будто не расстроился. Выразив надежду на то, что наша сделка не закончится для него плачевно, он всё же отметил, что всё в этом мире не зря, после чего ещё раз сердечно поблагодарил меня словами: “Даже если второго шанса мне не будет дано, я благодарю Вас за то, что вы позволили мне попробовать”. Уходил он в таком же состоянии, в каком пришел – сильно кашляя и немного пошатываясь.

– А если вакцина не спасёт его? – я перевела свой взгляд на мистера Пибоди, закрывшего дверь за несчастным миллиардером.

– Спасёт.

– Откуда такая уверенность?

– Изначально кубиков вакцины было девять. Мистер Боффорт использовал два. Один кубик вколол подростку из трущоб, умирающему из-за почечной недостаточности, второй кубик ввёл в вену своей пятидесятилетней служанки, едва пережившей инсульт. В обоих случаях неизлечимо больные не только исцелились, но даже немного омолодились. Думаю, с мистером Рэйндом всё будет в полном порядке. Как и с Вами, если Вы сумеете верно распорядиться своим вторым шансом. У Вас осталось ещё шесть кубиков, Мирабелла. Что будете делать дальше?

– То, о чём мы с Вами договаривались, мистер Пибоди. Вы взяли с собой свои печати?

Глава 15

Итак, в возрасте восьмидесяти лет я созрела на первое в своей жизни завещание, официально заверенное одним из известнейших юристов США мистером Джимом Пибоди.

Во-первых, я пожертвовала всю свою библиотеку замечательной лавке подержанных книг, расположившейся за углом соседней улицы и принадлежащей приветливой семье: отцу и дочери. Они начали торговать старыми книгами не так давно, распространяя свой бесценный товар всего по пять долларов за экземпляр, и когда в последний раз я заглядывала к ним – это было около трех месяцев назад – у них имелись некоторые проблемы с наличием товара: половина полок пустовала. Очень сильно надеюсь, что их дело даст моим старым книгам новое дыхание, и те, в свою очередь, помогут этой замечательной семье продолжать заниматься любимым делом. В библиотеке у меня значилось без малого 552 экземпляра книг.

Все вещи Вольты – собачьему приюту.

Квартиру и прочие вещи оставляю без определенного наследника – пусть родные распродадут и поделят прибыль поровну самостоятельно.

Далее конкретные суммы. Сделать своих потомков миллиардерами было бы равносильно их убийству: лишившись надобности достигать чего-либо самостоятельно, они зачахнут и промотают свою жизнь впустую. Нет, пусть стремятся, пусть ставят перед собой цели, пусть мечтают, пусть развиваются, не останавливаются, не обесцениваются...

Итак, каждому кровному члену семьи – Джерри и малышка Лаура, Йен и малышка Фэй, Тиффани, Закари, Валери и Бен, – я оставила по двести тысяч долларов. Керри и Дейзи оставила двести пятьдесят – в счет статуса матери-одиночки Керри, что прописала отдельным текстом, чтобы внуки не подумали, будто кого-то из них я люблю больше или меньше. Действующим невесткам не оставила ничего: Лукрецию я так и не признала частью нашей семьи, а в Присцилле было что-то, что наводило меня на мысль, будто сложенных вместе долей Закари, Валери и Бена ей хватит вполне. Хильде оставила двести десять тысяч. Прикинув в уме примерную стоимость обучения в университете, в конце списка приписала имя Серафины Бигелу – сто тысяч. Хотела вписать и мистера Пибоди, но он отказался, сказав, что Арми уже оставил ему больше, чем он успеет потратить за оставшуюся ему жизнь, и к тому же он, оказывается, пообещал Боффорту не брать у меня материальной благодарности.

– Как знал, что Вы пожелаете одарить и меня тоже, – ухмыльнулся мистер Пибоди, а я задумалась, как так получилось, что совершенно посторонний мне человек, с которым я не общалась целые десятилетия, знал меня лучше, чем близкие мне люди. Отвлечшись на эту мысль, я оборвала перечисление наследников в своём уже немного подуставшем уме. Никого ли не упустила? Вроде бы никого... Первый-второй-третий-десятый...

– Напишите письмо? – мистер Пибоди снова ворвался в мои мысли о наследниках.

– Какое письмо?

– Какие-нибудь прощальные слова для родных...

– Нет. Нет... Слов уже сказано достаточно.

Я внимательно перечитала завещание, все имена и цифры, и, наконец, поставила свою подпись в нужном углу документа, как вдруг, увидев, как мистер Пибоди заносит печать над этой важной бумажкой, неожиданно резко вспомнила:

– Рокки! Я забыла свою внучку Рокки!

Как я могла?! Как могла?!

– Вот ведь... В принтере закончилась краска. Давайте Вы впишите свою волю относительно этой внучки вот здесь, сразу над своей росписью.

Дрожа от шока – КАК Я МОГЛА ЗАБЫТЬ РОДНУЮ ДОЧЬ ШОНА?! САМУЮ РОДНУЮ МНЕ ВНУЧКУ!!! СВОЕГО ЕДИНСТВЕННОГО КРОВНОГО ПОТОМКА!!! – совсем

расстроившись и чуть не плача, я написала слова: *“Наследники Джерри Лерой, Закари Лерой и Тиффани Лерой должны отдать Рокки Армитидж из отчисленного им наследства по 50.000 \$.”* Подпись. Печать. Заверено.

Стоило мистеру Пибоди переступить порог моей квартиры и распрощаться со мной, как я не выдержала и расплакалась. Во время семейного совета, на котором обсуждалась участь ещё всего лишь фантомного миллиардного наследства, никто из членов семьи не вспомнил имени Рокки – моей единственной кровной внучки. И я, страдающая оттого, что меня все позабыли, сама, по примеру своих детей и внуков, пусть и на мгновение, но забыла о самом главном человеке, отождествляющем продолжение меня самой в этом мире...

Добравшись до постели, я прорыдала в подушку до самого рассвета.

Глава 16

Болящие от выплаканных за ночь слёз глаза беспокоили меня не меньше, чем ожог предплечья, но к моменту приезда Закари, Присциллы и Бена я привела себя в порядок. Сегодня был не особенно жаркий летний полдень, по небу ходили облака – дети везли меня в дом у озера. Закари предпочитал молча слушать обожающую поболтать Присциллу, и я тоже отдала предпочтение роли слушателя. Именно от Присциллы я узнала о том, что Валери вместо семейной поездки за город решила отправиться в гости к лучшей подруге Серафине. Сидящий слева от меня Бен, с головой ушедший в свой планшет, за всю дорогу не проронил ни слова. В конце пути я попробовала поинтересоваться у пятнадцатилетнего подростка, какие у него планы на лето, на что он пожал плечами и, не отрывая взгляда от своей игрушки, ответил коротким: “Да ничего особенного”. Бен был неплохим мальчиком, вот только слишком зависимым от интернета, отчего разговаривать с ним было даже сложнее, чем с Закари в его возрасте.

Наконец мы приехали к дорожному моему сердцу дому, который я любила называть домом Шона. Маленький, но двухэтажный, деревянный и уже заметно постаревший, с дощатым крыльцом и резными перилами, особенно красивым он был осенью... Жаль, что сейчас не осень.

Закари вытащил из багажника мою ручную кладь, заполненную вещами, которыми я не планировала воспользоваться, и мы последовали за Присциллой и Бенном, отправившимся открывать входную дверь дома.

– Мы сомневались, – вдруг подал голос Закари, когда мы уже стали подниматься на крыльцо, – мудро ли оставлять тебя одну, да еще и на целую неделю.

– Я оставалась здесь прошлым летом на целый месяц, и никто из вас не переживал на этот счет. Что изменилось с тех пор?

– Дорогая наша, ты стала старше, – отозвалась моя невестка, встретившая нас в прихожей.

“Ну да, конечно, именно это вас всех и беспокоит, а не кое-что другое”, – мысленно проворчала я и сразу же одернула себя – ни в коем случае нельзя становиться вредной старухой.

– Не забывайте писать нам смс-ки, обязательно каждый вечер, чтобы мы не переживали.

“Не они мне должны писать – а я им. Я должна позаботиться о том, чтобы они не переживали – не они должны заботиться о моём спокойствии. Звонок не нужен – смс-ки вполне достаточно”.

Мы зашли в гостиную, Закари обернулся через плечо:

– Может быть, оставить твои вещи на первом этаже?

– Я не буду спать в гостиной на диване – у меня всё ещё достаточно крепкие ноги, чтобы ходить туда-обратно по лестнице, так что будь добр, отнеси мои вещи в спальню наверх.

Возможно мой голос прозвучал немного строго – просто мне надоело чувствовать себя немошной обузой, какую из меня регулярно пытаются вылепить мои взрослые дети.

Подойдя к панорамному окну, я хотела насладиться видом, но вдруг услышала шепот Присциллы. Она наверняка думала, что я не услышу её, но сейчас мой слуховой аппарат был накручен на максимум, так что я расслышала каждое слово в её желающем остаться неслышанным шепоте:

– Да не спорь ты, занеси наверх, знаешь ведь, что люди в таком возрасте упрямее ослов.

Вот так вот меня не со зла, а скорее из неотесанности, сравнили с ослицей, что меня отчего-то вдруг даже задело... Была ли я когда-нибудь упрямее ослов? Я упрямо воспитывала не своих детей, упрямо считая их своими, а позже их детей упрямо обозначала своими собственными внуками – это считается?

У родителей Присциллы пять дочерей – Присцилла четвёртая по счёту. Когда они составились, их тоже хотели сдать в престарелый дом, но в последний момент их старшая сестра

перетянула ситуацию на себя и перевезла их обоих жить в свой роскошный дом на окраине города. У меня было трое детей и никто из них не пожелал забрать меня к себе, и никто из них не попробовал отстоять моё право на самостоятельную жизнь в собственной квартире – каждый из них посягнул на мою свободную старость.

Дети спешили успеть на вечеринку в честь дня рождения подруги Присциллы, так что прощание прошло быстро: меня вскользь приобняли, Бен приобнял меня чуть дольше, пусть и не выпуская планшета из рук, после чего все они поспешили к выходу.

– Подождите...

– Что такое, мама? – обернулся Закари.

– Когда вы получите своё наследство, не обделите Рокки, пожалуйста.

– Ах да, Рокки... – взметнула руками Присцилла. – Ну, до получения наследства нам ещё нужно разобраться хотя бы с датой и местом проведения аукциона...

– По поводу Рокки... – начал Закари, но Присцилла и в этот раз его перебила.

– Конечно никто её не забывает. Ну всё, нам пора, нельзя опаздывать, а то Глэдис меня живьём съест.

Я закрыла за ними дверь и через окно пронаблюдала за тем, как торопливо отъезжает их автомобиль. Когда их след скрылся из виду, я вернулась в гостиную, взяла пульт от проектора и заставила его белоснежное полотно опуститься напротив камина, который у нас получился неказистым, отчего мы его никогда не топили. Полгода назад Закари оцифровал для меня все старые фотографии и в сумме с новыми фото, и видео, поместил всё на одну флешку и подарил её мне. Пожалуй, лучший подарок от моих детей. Их кофемолки, фены и сервизы всегда были невпопад, но вот эта флешка с отсортированной по датам историей нашей семьи стала для меня настоящей ценностью.

Достав бутылку вина из запасов, установленных подле нефункционирующего камина, я налила себе полбокала сухого красного вина, нарезала фруктов и устроилась на диване, впервые в жизни даже не подумав протереть его от пыли. До наступления ночи ещё было слишком далеко. Хорошо, что Геральт был любителем фото и видеосъемки. Плохо, что досмотреть картотеку до конца у меня не хватило душевных сил – слишком счастливой семьёй мы когда-то были, слишком чужими друг другу оказались в итоге.

Глава 17

Девять часов вечера – пора писать сообщение Закари.

Я взяла в руки свой старый телефон с сильно поцарапанным экраном и, хорошенько подумав, решила написать стандартный текст, который не смог бы выдать ничего неладного: *“Собираюсь ложиться спать. Мама”*. К моему удивлению, ответное сообщение пришло мгновенно: *“Ok”*. Не *“Спокойной ночи, мама”*, не *“Приятных тебе снов”* – ничего подобного. Просто *“Ok”*. Однако именно это меня как раз не удивило.

В комнате было темно – я включила свет только над поверхностью высокой кухонной зоны, за которой в прежние времена я любила стоя готовить что-нибудь сложное и непременно вкусное. С уходом Геральта готовить мне стало некому, что очень жаль, ведь я до сих пор очень сильно люблю это дело.

Отложив в сторону телефон, я взяла в руки чернильную ручку и пододвинула к себе заранее приготовленный линованный листок. Произведя тяжелый вздох, начала писать слова, которые прокручивала в своей голове последние трое суток, и которые, сама того не сознавая, выучила наизусть:

“Дорогие мои!

Наследницей Арми Боффорта была названа я, а не все вы, потому вы должны понять, что исключительное право распоряжаться этим наследством принадлежало только мне. И я воспользовалась своим правом – я распорядилась доверенным мне наследством по своему усмотрению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.